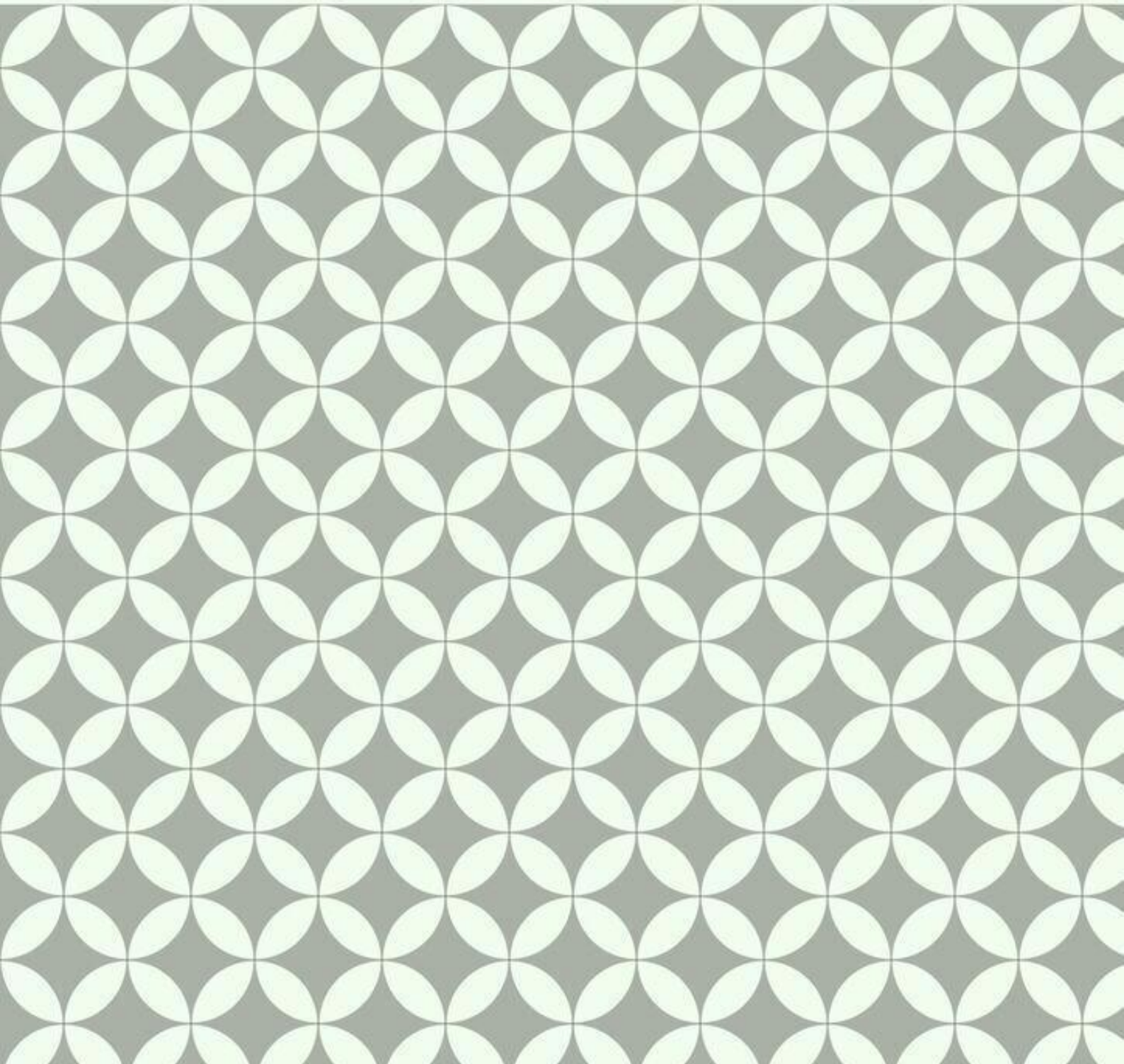
18+

Ник Нил

Мини любовно-фэнтезийные романы

Сборник



Ник Нил

Мини любовно-фэнтезийные романы. Сборник

«Издательские решения»

Нил Н.

Мини любовно-фэнтезийные романы. Сборник / Н. Нил — «Издательские решения»,

Когда Кайрен Вейн, Верховный Инквизитор, берет в жены беглую принцессу Эвелину Арден, он планирует получить лишь послушную куклу. Но вместо этого получает женщину, которая ворует его вино, ломает казначейство и воспитывает их сына-дракона, используя методы уличной банды.От ледяных рудников до бальных залов — это история о том, как завоевывают трон, спасают империю от банкротства и занимаются любовью так, что плавится мебель.

© Нил Н.
© Издательские решения

Содержание

Ник Нил 6
Конец ознакомительного фрагмента. 77

Мини любовно-фэнтезийные романы
Сборник

Ник Нил

© Ник Нил, 2026

ISBN 978-5-0071-5464-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ник Нил
Мини любовно-фэнтезийные романы
Поденщица для незримого дракона

Вонь рыбьей требухи, прелой капусты и застоявшейся речной воды въелась в камень Нижнего города намертее, чем сажа в дымоход. Для Ирис этот смрад был запахом дома. Она прижала к груди корзину с грязными скатертями из таверны «Пьяный сом» и свернула в Кривой переулок. Каблуки её деревянных башмаков стучали по брусчатке отчаянно и одиноко — патруль городской стражи уже прошел час назад, а честные люди давно заперли двери на засовы.

Именно поэтому она их услышала.

Это не было рычанием или ревом, которых ждешь от дракона. Это был звук осыпающегося песка в гигантских песочных часах. Сухой, шелестящий, древний.

Ирис замерла, вжавшись спиной в мокрую стену. Тень накрыла Кривой переулок целиком, хотя небо над Верхним городом еще светлело закатной медью. На уровне крыш проплыла голова размером с рыбацкую барку. Чешуя цвета грозового неба, пробитого молнией, не отражала ни единого блика фонаря. Дракон летел абсолютно бесшумно, если не считать того сухого шороха. Он двигался против ветра, игнорируя все законы физики, принятые в Нижнем городе.

Незримый дракон. Призрак небес. Сказка для пьяных матросов и пугало для непослушных детей. Тот, кого никто никогда не видел дважды, потому что первого раза обычно хватало, чтобы лишиться рассудка от ужаса.

Дракон опустился ниже. Его крыло прошло сквозь каменную кладку соседнего дома так же легко, как дым проходит сквозь решетку. Чудовище охотилось. Оно искало магию, пульсирующую во тьме, и эта магия сейчас ледяным комком застряла под ребрами у Ирис.

Она украла его сегодня утром. Маленький флакон из синего стекла, оплетенный серебряной нитью, который алхимик из Верхнего города забыл на прилавке, когда отвлекся на крик чайки. Внутри плескалось нечто, похожее на жидкий лунный свет. Ирис собиралась продать склянку перекупщику и купить себе новые зимние сапоги, но теперь сапоги казались смехотворной платой за собственную жизнь.

Воздух перед ней сгустился, потяжелел и запах озоном после грозы. Из пустоты соткалась когтистая лапа, способная раздавить ее вместе с корзиной в тонкий пергамент. Коготь — черный, длинный, острее лучшей рапирты — завис в пяди от ее горла.

Ирис зажмурилась. Молиться было некому: боги покинули Нижний город столетия назад, оставив его на растерзание гильдиям и таким вот теням. Поэтому она сделала единственное, что умела делать безупречно. То, чему научилась за десять лет службы у сварливых хозяек таверн.

— Осторожнее, господин хороший, — сказала она в темноту, даже не открывая глаз. — Вы мне локтем прямо в свежую сметану метите. Если испортите кружева госпожи Гвинет, она вычтет стоимость из моего жалованья, а я на него рассчитывала купить овсянку. Опустите вашу… конечность чуть правее. Там чисто.

Коготь дрогнул. Иллюзия невидимости пошла мелкой рябью, словно вода, в которую бросили камень. Воздух задрожал от невысказанного изумления. Никто в этом городе не разговаривал с Незримым драконом о стоимости испорченной сметаны.

Тварь втянула коготь. Пространство снова пошло трещинами, формируя силуэт. Огромная голова нависла над Ирис, закрывая последние звезды. В глазах без зрачков клубилась фио-

летовая бездна. Пасть раскрылась, обнажив клыки, каждый из которых мог бы служить мачтой для небольшого судна. Из глотки вырвался не огонь, а порыв мертвенно-холодного ветра, пахнущего высокогорьем и пылью забытых библиотек.

— Ты меня видишь, — прозвучало не в ушах, а сразу внутри черепа. Голоса у драконов тоже не было. Был лишь факт твоего неминуемого уничтожения, облеченный в слова. — Рабыня с рыбьим запахом. Ты видишь мою истинную форму.

— Я вижу, что вы занимаете весь проход, — выдохнула Ирис, чувствуя, как намокают колени ее единственной приличной юбки. — А мне нужно донести это белье до постоялого двора до полуночи, иначе старая карга оставит меня без ужина. Пропустите, будьте добры. Или съешьте меня быстро? Только, пожалуйста, не на моих чистых простынях, они накрахмалены.

Дракон моргнул. Третье веко, тонкое и кожистое, скользнуло по лиловому пламени глаз сверху вниз. Магический поиск, которым он прощупывал ее внутренности, внезапно сменился иным интересом. Он искал страх смерти, а нашел глухую, звенящую усталость человека, которому настолько нечего терять, что лень даже бояться. И синий флакон в кармане ее передника, который орал о своем присутствии на всю улицу громче рыночной торговки.

Сухой шелест перешел в низкое, вибрирующее ворчание. Так, наверное, смеются горы перед сходом лавины.

— Ты забавная, смертная, — пророкотал незримый дракон. — От тебя несет дешевым мылом, отчаянием и моим сокровищем. Кто ты такая?

— Ирис, — ответила она, заставляя себя разлепить глаза. Смотреть в лицо чудовищу оказалось немногим страшнее, чем смотреть в лицо хозяйке «Пьяного сома», требующей отчета за разбитые кружки. — Поденщица. Просто поденщица.

Дракон медленно склонил голову набок. Каменная кладка вокруг них начала покрываться тонкой коркой инея.

— Нет, — прошептал он в ее сознании, и впервые в этой бесконечной древней мощи прорезалась нотка хищного, почти человеческого любопытства. — Уже нет. Теперь ты моя должница, Ирис-поденщица. Ты нашла то, что принадлежит мне. И завтра, ровно на закате, ты принесешь это туда, куда я скажу. Иначе твой чудесный характер придется соскребать со стен этого переулка.

Он начал таять, растворяясь в ночном воздухе Нижнего города. Последним исчез хвост, хлестнувший по крыше и оставивший на черепице выжженный след в форме идеального вопросительного знака.

Ирис осталась одна. Сердце колотилось где-то в горле, руки мелко дрожали, но странное дело — она была жива. Более того, прижимая к груди корзину с чужими грязными скатертями, она вдруг поняла, что улыбается.

Завтра на закате. Интересно, выдают ли драконам расписки о возврате долга? И главное — примут ли в качестве оплаты натурой, например, рецептом хорошего средства для выведения запаха рыбы с чешуи?

Улыбка сползла с ее лица ровно в тот момент, когда корзина стала невыносимо тяжелой.

Ирис опустила глаза. Грязные скатерти больше не были просто грязными скатертями. Сквозь грубую мешковину проступал глубокий, первобытный иней. Вода в лужах вокруг ее деревянных башмаков замерзла за долю секунды, превратив помои Нижнего города в хрустальный фарфоровый лом. Мороз стоял такой, что дыхание вырывалось изо рта густыми облачками, хотя на дворе был душный летний вечер.

Синий флакон в кармане передника пульсировал обжигающим холодом. Он больше не казался жидким лунным светом; теперь внутри металась пойманная зимняя ночь.

— Чтоб тебя моль съела вместе с твоим самомнением, — прошипела Ирис в пустоту переулка, обращаясь то ли к дракону, то ли к богам, которые определенно ушли на обеденный перерыв. Она перехватила корзину поудобнее. До постоялого двора «Тихая гавань», где она снимала койку под самой крышей, оставалось еще три квартала вверх по склону. Тащить на себе глыбу льда весом в полцентнера совершенно не входило в ее планы на выживание.

Она сделала шаг. Подошва намертво прилипла к брусчатке.

— Только этого мне не хватало для полного счастья, — буркнула девушка, дергая ногой. Деревянный башмак остался примерзшим намертво, а сама Ирис едва не рухнула носом в камни. Пришлось разуваться прямо посреди Кривого переулка, благо стянуть чулок было быстрее, чем объяснять страже, почему мостовая цветет инеем в июле. Босые ступни обожгло холодом. Сжимая в одной руке деревянный башмак, а в другой — корзину со смертоносной морозильной камерой, она похромала вперед.

Путь до Верхнего города всегда занимал у нее двадцать минут торопливым шагом. Сегодня он занял полтора часа. Каждый раз, когда магия флакона выплескивалась через край от страха или злости, ближайшие дома покрывались ледяными узорами, кошки начинали светиться синим в темноте, а редкие ночные гуляки шарахались от нее, крестясь и бормоча молитвы против белой лихорадки. Один особенно ретивый патрульный попытался проверить документы у подозрительной девицы, идущей босиком по снегу. Ирис так зыркнула на него поверх своей поклажи, что стражник решил: Белая Дама из старых легенд сегодня явно не в духе, а связываться с нежитью ему жалованье не позволяет. Он отдал честь и испарился в тумане.

К тому моменту, когда она втолкнула свое промерзшее тело в чердачное окно «Тихой гавани», пальцы на ногах она уже не чувствовала. Комната встретила ее привычным скрипом рассохшихся половиц и храпом трех соседок.

Первым делом Ирис достала флакон. Поставила его на единственный шаткий стол. Синий свет тут же залил убогую каморку, заставив тени плясать на стенах. Соседка Марта, торговка требухой, перестала храпеть и перевернулась на другой бок, пробормотав во сне что-то про дешевое вино. Магия дракона была древней, убийственной, но людей, похоже, не будила.

Ирис села на кровать, подтянула колени к груди и уставилась на склянку.

«Принесешь это туда, куда я скажу».

А куда скажет дракон? В свою пещеру на Огненном пике? На дно Залива Забвения? К руинам Первой династии? Поденщица знала географию столицы исключительно по маршрутам доставки свежего хлеба и грязного белья. Ни один из этих маршрутов не пересекался с логовами мифических чудовищ.

Она потерла онемевшие руки. Нужно тепло. Много тепла.

Под столом стояла единственная ценность Ирис, помимо сменной юбки — старый медный таз для стирки. Она притащила его сюда полгода назад, сэкономив целых два медяка. Девушка перелила содержимое флакона в таз. Жидкость легла на дно идеально ровным, тяжелым слоем, даже не подумав растечься.

Ирис огляделась. Взгляд упал на треснувший заварочный чайник, в котором они по утрам грели воду. Она зачерпнула кружкой кипяток из общего бака в коридоре — вода успела остыть до состояния «просто теплой» — и плеснула немного в таз.

Ничего не произошло. Если не считать того, что пар над водой мгновенно замерз и осыпался на пол мелкой алмазной крошкой.

— Логично, — вздохнула Ирис. — Нельзя потушить пожар, плюнув в него. Нужен масштаб.

Ее взгляд метнулся к пузатой железной печурке в углу, которую все пятеро обитательниц чердака топили по очереди, скидываясь по дровине. Сейчас она была холодной — очередь топить выпадала только завтра утром.

Идея была безумием. Идея была самоубийством. Но оставаться босой на ледяном полу означало проснуться утром с почерневшими ногами, если вообще удастся проснуться.

Ирис схватила кочергу. Разбивать печь камнем нельзя — привлечет внимание хозяйки. Пришлось возиться с заржавевшими болтами заслонки. Пальцы, начавшие отходить после мороза, снова взвыли от боли. Через десять минут мучений тяжелая чугунная дверца с лязгом упала на доски.

Она подняла таз. Руки дрожали не от холода, а от липкого, животного ужаса. Одно дело дерзить монстру, который находится в десяти ярдах от тебя. Другое — добровольно вылить концентрированную зиму в свой единственный источник тепла.

— За новые сапоги, — выдохнула она как молитву. — И за овсянку. И чтоб старая карга подавилась моей сметаной.

Ирис опрокинула таз над раскрытой пастью печи.

Комнату не затопило огнем. Не было ни взрыва, ни жара. Сначала наступила абсолютная, звенящая тишина, какая бывает только в центре самого глубокого ледника. Время загустело. Храп Марты оборвался на середине вдоха. Капля воды, падавшая с потолка, замерла в воздухе, обратившись в идеальную жемчужину.

Затем синий свет вспыхнул так ярко, что заболели глазницы.

Внутри старой печурки родилось нечто невозможное. Холод синего флакона встретился с угольной чернотой металла. Вместо огня там заклубилась миниатюрная галактика. Законы физики сдались: изнутри печи повеяло таким космическим морозом, что железо начало трескаться, покрываясь узорами изморози, но следом за этим холодом пришел ответный импульс. Древняя магия дракона, запертая в стекле, требовала пространства. Она начала жадно пожирать воздух комнаты, вытягивая тепло из досок, из кирпичей, из легких девушек на кроватях.

Ирис почувствовала, как кровь в ее жилах замедляет бег. Еще мгновение, и она превратится в одну из тех ледяных статуй, которыми пугают детей на Северных островах.

Она должна была закрыть заслонку. Должна была бежать. Но вместо этого, подчиняясь какому-то древнему, инстинктивному знанию, которое внезапно проснулось в крови дочери простого рыбака, она шагнула вперед.

Наклонилась прямо к трещащей по швам печи. Сложила ладони лодочкой и резко выдохнула внутрь.

Ее собственное, горячее, живое человеческое дыхание ударило в центр синей галактики. Это было похоже на поцелуй. Лютый, смертельный поцелуй двух противоположностей.

Раздался звук лопнувшей струны мироздания.

Вспышка погасла.

В комнате стало невыносимо жарко. Печь гудела, накаляясь докрасна, но это был здоровый, уютный огонь, пахнущий сушеными яблоками и летним сеном, а не серой. Иней на стенах таял, стекая на пол теплыми ручьями. Храп Марты возобновился, словно ничего не случилось, только теперь он звучал низко и басовито.

Ирис отшатнулась, тяжело дыша. По спине градом катил пот. Ее дыхание… оно изменилось. Когда она выдохнула в следующий раз, воздух перед губами пошел легкой, едва заметной серебристой рябью, похожей на ту, что поднимается над песком в самый знойный полдень.

На дне пустой медной посудины осталась лишь тонкая радужная пленка, похожая на бензин в луже.

Дверь в каморку распахнулась без стука. На пороге стояла хозяйка «Тихой гавани», госпожа Бригитта — женщина шириной с платяной шкаф и голосом способная перекрыть шторм.

— Чем ты тут занимаешься, бродяжка?! — взревела она, принюхиваясь. — Почему несет гарью? Почему от твоей конуры несет… весной?! Ты опять варила запрещенное зелье? Я сейчас стражу…

Взгляд госпожи Бригитты упал на босые ноги Ирис. Затем на мокрый пол. Затем на красную от жара, абсолютно целую печь, которая в эту секунду выглядела так, будто ее только что привезли из королевской литейной.

Хозяйка осеклась. Ее маленькие глазки-бусинки забегали.

— Печку… перебирала? — голос госпожи Бригитты вдруг потерял половину своего объема и стал почти вежливым. — Сама?

Ирис посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Внутри, там, где раньше зияла сосущая пустота отчаяния, разгорался маленький, но очень горячий уголек.

— Сами мы справляемся, госпожа Бригитта, — спокойно сказала она, глядя хозяйке прямо в глаза. Впервые в жизни ей не пришлось опускать взгляд. — У меня к вам деловой разговор. Видите ли, мои услуги по ремонту отопительных систем стоят дорого. Очень дорого. Например, цена моего проживания на этом чудесном чердаке вплоть до первого снега. Плюс завтрак. И новые сапоги. Из настоящей кожи.

Бригитта побагровела, открыла рот для очередной тирады, но наткнулась на взгляд девушки. Там, на дне зрачков поденщицы, плескалось отражение фиолетовой бездны. Хозяйка икнула, попятилась и выдавила:

— Будут тебе сапоги. Завтра. А завтрак… завтрак можно и сегодня.

Когда дверь захлопнулась, отрезая возмущенные причитания, Ирис подошла к столу. Радужная пленка на дне таза дрогнула. Из центра к краю побежала тонкая линия, формируя контур. Рисунок уплотнялся, обретая объем и текстуру чешуи. Через минуту на меди лежал крошечный, размером с фалангу пальца, сапфировый дракончик. Он свернулся клубком, спрятав голову под крыло, и слабо мерцал в такт дыханию спящей Марты.

Ирис осторожно взяла фигурку двумя пальцами. Металл обжигал кожу приятным теплом.

— Ну что ж, господин незримый, — прошептала она, пряча игрушку в вырез платья, рядом с сердцем. — Похоже, моя смена закончилась. Встречайте новую должницу. Посмотрим, насколько вкусна овсянка, оплаченная драконьей магией.

Овсянка оказалась на удивление сносной. Госпожа Бригитта, все еще бледная после столкновения с бытовой алхимией, лично принесла Ирис миску густой каши с медом и кусок свежего хлеба. Она ставила поднос на край кровати так осторожно, словно там лежала не еда, а спящая гадюка.

— Сапожник Берни обещал зайти к полудню, — пробасила хозяйка, стараясь не смотреть в глаза новой постоялице. — Сказал, что кожа будет лучшей телячьей. Только… это самое, Ирис. Если твоя печка снова начнет рожать лето посреди зимы или вымораживать тараканов до состояния ледышек, я тебя выселю. Мне трактирный бог пьяных матросов велел держаться подальше от чародейства.

— Я просто очень сильно попросила ее работать, госпожа Бригитта, — смиренно опустив ресницы, ответила Ирис, зачерпывая кашу. — Разве просить о тепле зимой — это грех?

Хозяйка неопределенно хмыкнула и ретировалась, бормоча под нос молитвы святому Учителю Трубы.

Как только за ней закрылась дверь, смирение слетело с Ирис вместе с остатками сонливости. Она села, скрестив ноги по-турецки прямо поверх одеяла, и достала сапфирового дракончика. Фигурка была теплой и едва заметно пульсировала.

— Итак, — обратилась она к безделушке. — Ты часть того самого флакона. Значит, ты знаешь дорогу к своему хозяину. Как мне найти Незримого? Где у вас назначена встреча? На кладбище разбитых кораблей? В катакомбах под Храмом Двуликого?

Дракончик никак не отреагировал. Он оставался всего лишь куском остывающего камня.

Ирис нахмурилась. Двенадцать лет мытья полов учат одной простой истине: если грязь не отходит с первого раза, нужно сменить угол приложения силы. Она поднесла фигурку к губам и легонько дунула на нее своим новым, странным дыханием — тем самым, что оставляло в воздухе серебристую рябь.

Сапфир вспыхнул изнутри холодным фиолетовым огнем. Резная головка поднялась. Крошечные челюсти раскрылись, и из пасти вырвалась тонкая струйка дыма, пахнущего озоном и старыми книгами. Дым не рассеялся, а уплотнился над медным тазом, формируя карту. Это была грубая проекция Нижнего и Верхнего города, сотканная из синеватой мглы. В центре карты запульсировала яркая точка — прямо здесь, в «Тихой гавани». А от чердака вверх, пронзая перекрытия богатых особняков, уходила мерцающая золотая нить. Она вела строго вертикально, сквозь черепичные крыши, мимо шпилей Гильдии Ткачей и заканчивалась ровно над куполом Астрономической башни Академии Магии.

— Наверх, значит, — констатировала Ирис, запоминая маршрут. — Ну конечно. Драконы всегда выбирают самые дорогие места для парковки.

Она спрятала дракончика обратно за пазуху — теперь он служил отличным грелкой — и встала. Время шло к полудню. Соседки разбрелись по своим делам: кто-то пошел воровать прачкам мыло, кто-то — торговать сплетнями. Чердак был пуст.

Первым делом Ирис подошла к рукомойнику. Она плеснула в лицо холодной воды, стерла с кожи следы вчерашней копоти и усталости. Затем открыла свой единственный сундук.

Ее старая юбка цвета прелой листвы отправилась на тряпки. Шерстяная блуза с протертыми локтями последовала за ней. Десять лет служения научили ее главному правилу выживания при дворе: люди верят тому, что видят. Поденщица может войти в Академию через черный ход для прислуги, но чтобы пройти мимо главного входа, где дежурят маги-стражи с жезлами-детекторами, нужна другая маска.

Из глубины сундука, завернутая в рогожу, появилась одежда старшей дочери одного из виноторговцев, у которой Ирис полгода назад отстирывала последствия бурного девичника. Платье было безнадежно испорчено дешевым красным вином, которое въелось в лен намертво. Для приличной девушки оно стало мусором. Для шпионки — идеальным пропуском. Цвет дорогого бордо отлично скрывал пятна, а свободный крой скрадывал отсутствие корсета.

Через полчаса из зеркала, покрытого черными точками амальгамы, на Ирис смотрела утомленная жизнью компаньонка какой-нибудь баронессы средней руки. Лицо выбелено рисо-

вой пудрой (позаимствованной у той же соседки), губы сжаты в строгую линию, а во взгляде читается легкое презрение ко всему сущему. Единственное, чего не хватало для полноты образа — тяжелой кожаной сумки с гербом какого-нибудь захудалого рода. Сумку пришлось позаимствовать у самой госпожи Бригитты, пока та отчитывала поваренка. Герб был стерт наждачной бумагой еще утром, осталась лишь гладкая фактура хорошей выделки.

В таком виде она беспрепятственно миновала Нижний город. Стражники видели перед собой чью-то экономку или приживалку — человека слишком скучного, чтобы тратить на него время.

Главный вход в Академию встретил ее шумом толпы. Студенты в мантиях всех цветов радуги, важные профессора, торговцы магическими амулетами. Воздух гудел от сдерживаемой мощи.

У арки ворот стояли двое. Не стражники — Око Закона. Маги-проверяющие в серых сюртуках. Их пальцы светились бледным светом, готовые в любой момент вскрыть любую иллюзию.

Ирис расправила плечи, вздернула подбородок и пошла прямо на них, чеканя шаг. Так ходят женщины, которые привыкли платить другим за то, чтобы те ходили за них.

— Пропуск, — лениво бросил один из магов, даже не поднимая глаз от своего кристалла.

Ирис остановилась. Медленно, с выверенной грацией оскорбленной королевы, она повернула голову.

— Прошу прощения? — голос ее звучал низко, с легкой хрипотцой, выдающей привычку отдавать приказы шепотом. — Возможно, ваши глаза пострадали от долгого чтения свитков. Позвольте напомнить вам регламент доступа для поставщиков двора Его Величества. Поставки шелка для церемониальных знамен освобождены от проверки личных вещей. Или вы хотите, чтобы я доложила магистру Валериусу, что его заказ на парчу задерживается из-за вашей излишней бдительности?

Маг побледнел. Имя магистра Валериуса, главы департамента снабжения, обладало эффектом холодного душа. Никто не хотел проверять накладные этого скупердяя.

— Ш-ш-шелк? — переспросил второй, опуская жезл.

— Именно, — отрезала Ирис. — Сорок рулонов. И они тяжелые. Вы собираетесь держать меня на солнцепеке, пока мои носильщики зарабатывают грыжу?

Она сделала вид, что собирается обойти их. Маги расступились, как море перед пророком. Один из них даже неловко поклонился.

Оказавшись внутри дворика Академии, Ирис позволила себе выдохнуть. Сердце колотилось где-то в горле, но внешне она оставалась воплощением непробиваемого снобизма. Золотая нить из дымчатой карты тянулась вдоль главной аллеи, между фонтанами, плюющимися жидким светом, и клумбами с поющими розами.

Нить привела ее к подножию Астрономической башни. Здесь стоял почетный караул уже из настоящих боевых магов. Лица закрыты серебряными масками, ладони лежат на эфесах мечей, поющих от переполняющей их энергии.

Ирис посмотрела вверх. Башня пронзала небо. На самом ее шпиле, игнорируя ветер и законы гравитации, разлегся силуэт размером с хороший фрегат. С такого расстояния чешуя казалась просто игрой света на обсидиане, но Ирис знала — он там. Ждет.

Проблема была в лестнице. Вход внутрь охраняли особенно плотно.

— Доставка для обсерватории, — бросила она ближайшему стражнику тоном, каким отдают приказ об аресте. — Винтажное вино урожая прошлого вторника. Для успокоения нервов звездочетов. Весьма дорогое. Если разобьется, магистратура вычтет стоимость из ваших окладов.

Стражник в серебряной маске моргнул. Логика чиновников работала безупречно везде: никто не хочет нести материальную ответственность за чужой хрусталь.

— По служебной лестнице для техномантов, третья дверь направо, — глухо ответил он. — Там лебедка.

Лебедка представляла собой деревянную платформу, скрипящую на тросах. Ирис ступила на нее, прижимая к груди сумку, внутри которой вместо вина теперь лежал булыжник — на случай, если придется объяснять подозрительное бульканье. Платформа со скрежетом поползла вверх.

Чем выше она поднималась, тем прозрачнее становился воздух. Город внизу превращался в игрушечную мозаику. Ветер на высоте бил тугими, ледяными плетями.

Платформа дернулась и остановилась. Перед ней была площадка — круг из черного мрамора, открытый всем ветрам. Купол над головой медленно раздвигался, открывая дневное небо.

А впереди, небрежно сложив крылья, сидел он. Незримый дракон больше не пытался прятаться. Здесь, среди инструментов наблюдения за звездами, он выглядел абсолютно уместно, словно древний забытый телескоп.

Он наклонил голову, рассматривая девушку. От его взгляда по коже побежали мурашки, хотя жар от печи никуда не делся — наоборот, сейчас, рядом с источником древней магии, кровь в венах Ирис буквально кипела.

— Компаньонка баронессы? — прозвучал в голове его сухой, смешливый рокот. — Или поставщик парчи? Тебе не идет чужая ложь, Ирис. От тебя по-прежнему несет рыбьей требугой, дешевой пудрой и моим сокровищем. Но добавился новый запах. Страх высоты.

Ирис сглотнула. Порыв ветра попытался сорвать с нее дешевое платье, и она инстинктивно схватилась за каменный парапет. Камень под пальцами крошился в песок — драконий взгляд разъедал материю мира.

— Я пришла за дальнейшими указаниями, господин, — сказала она, стараясь, чтобы зубы не стучали. — И вернула ваш флакон. Вернее, то, что от него осталось. Он оказался бракованным. Почти уничтожил мою печь.

Дракон издал звук, похожий на треск ломающегося льда. Он потянулся вперед. Одно движение его шеи сократило расстояние между ними вдвое. Огромная голова оказалась в футе от лица Ирис. Из ноздрей, размером с ведра, вырывались струйки морозного воздуха.

— Бракованным? — переспросил он, и в ментальном голосе зазвучала угроза. — Ты осмелилась критиковать артефакт Первой династии?

— Я осмелилась выжить, когда он решил превратить мой завтрак в вечную мерзлоту, — парировала Ирис. Она заставила себя выпрямиться и посмотреть в эти фиолетовые бездны. — Вы хотели свою стекляшку? Получите.

Она сунула руку в сумку. Пальцы наткнулись на теплый бок сапфирового дракончика. Ирис вытащила его и показала чудовищу на раскрытой ладони.

Незримый замер. Вся его тысячелетняя спесь, вся убийственная мощь вдруг схлопнулись до точки абсолютного, детского изумления. Он смотрел не на ладонь. Он смотрел на саму Ирис.

— Ты выпила его, — прошептал дракон. — Во имя пепельных пустошей, безумная смертная, ты впитала концентрированную зиму своими легкими.

— Пришлось, — пожала плечами Ирис. — Иначе бы замерзла насмерть. Кстати, ваше дыхание отвратительно влияет на эмаль зубов. Рекомендую полоскать рот отваром коры дуба.

Огромный зрачок напротив расширился, поглощая остатки небесной синевы. Дракон вдохнул. Воздух вокруг площадки стал стеклянным.

— Ты не просто должница, — произнес он совсем другим тоном. В нем больше не было игры, только первобытный, хищный интерес коллекционера, нашедшего в грязи редчайший бриллиант. — Ты — аномалия. Человеческий сосуд, который удерживает мое проклятие, не лопнув. Законы равновесия требуют компенсации, Ирис-поденщица. Раз ты забрала мой холод…

Он резко выдохнул. Но это не был поток ледяного ветра.

На плечи Ирис обрушилась волна невыносимого, плавящего кости жара. Жар солнца в зените, жар доменной печи, жар лавы. Он вошел в нее через макушку, столкнувшись внутри с застрявшим зимним мраком. Боль была такой яркой, что мир исчез в белой вспышке. Девушка закричала, чувствуя, как горят волосы, как трещит кожа, как кипят мышцы.

А затем боль схлопнулась.

Ирис упала на колени, тяжело дыша. Платье на спине дымилось, но сама она была целой. Внутри больше не было ни холода, ни жара. Была ровная, спокойная, бесконечная температура весеннего дня. Теплая, как объятия матери, которых она никогда не знала.

Она подняла голову. Ее дыхание больше не давало серебристой ряби. Теперь каждый выдох оставлял в воздухе след из крошечных золотых искр.

Дракон смотрел на нее сверху вниз, и в его древнем лице впервые проступило нечто похожее на уважение.

— Мой холодный огонь требует проводника, — пророкотал он. — Моя сокровищница пуста от общения. Оставь свои грязные скатерти, Ирис. Теперь ты моя. Не должница. Спутник. Тот, кто сможет выдержать вес моего одиночества.

Он протянул коготь. На кончике черного, как ночь, лезвия, переливаясь гранями реальности, висел ограненный алмаз величиной с кулак. Настоящий пропуск куда угодно.

— Начнем урок полета? — спросил Незримый дракон. — И держись крепче. Я ужасно давно не катал на спине поденщиц. Говорят, у вас скверная привычка комментировать технику пилотирования.

Ирис посмотрела на алмаз, потом на разверзшуюся под ногами бездну города, а затем на собственное плечо, где маленькая сапфировая фигурка начала стремительно расти, покрываясь живой, дышащей броней настоящей чешуи. Кажется, овсянка сегодня отменяется. Впрочем, подумала Ирис, делая первый неуверенный шаг к исполинской шее, лучшая кухня в королевстве наверняка находится в пещерах Огненного пика.

Ветер на такой высоте не просто дул — он пытался содрать мясо с костей.

Ирис вцепилась в основание шеи дракона так, что побелели костяшки. Сапфировая фигурка за пазухой давно перестала быть украшением; она расплавилась, растеклась по коже жидким льдом и теперь пульсировала под ребрами вторым сердцем, сливаясь с ее собственным ритмом. Холод внутри больше не кусался — он стал частью ее крови, идеальным противовесом золотым искрам тепла.

— Левее! — крикнула она, перекрывая рев воздушных потоков. — Там шпиль Гильдии Ткачей, ты сейчас собьешь их сигнальный фонарь!

Дракон заложил вираж с грацией падающей скалы. Каменная кладка башни пронеслась в каком-то футе от сапог Ирис, обдав лицо запахом раскаленного камня и жженых ниток. От встречного потока воздуха у нее слезились глаза, а волосы, которые утром были уложены под строгий чепец компаньонки, превратились в серый от дорожной пыли флаг.

— Ты критикуешь мой радиус разворота? — пророкотал Незримый прямо в ее сознание. Его ментальный голос вибрировал от плохо скрываемого восторга. Полет пьянил его сильнее, чем смертных — дешевое вино. — Я летаю сквозь горы, смертная. Мне нет дела до твоих ткацких веретен.

— Если мы протараним их веретена, нас засосет в прялку времени, и я пропущу ужин! — огрызнулась Ирис, щурясь против солнца. — А внизу уже поднимается паника. Посмотри на площадь перед Академией. Они похожи на суетливых муравьев, которых облили кипятком.

Дракон фыркнул. Из ноздрей вырвались два идеально ровных кольца морозного дыма, которые тут же унесло назад. Внизу действительно творилось нечто невообразимое. Магистратская стража выстраивалась в каре, боевые маги лихорадочно чертили в воздухе защитные руты, а студенты высыпали на балконы, размахивая руками. Для них по небу Нижнего города летела черная клякса, пожирающая свет.

Они поднимались выше. Башни Верхнего города остались внизу, похожие на россыпь иголок ежа. Облака сомкнулись вокруг них плотной, влажной ватой. Видимость упала до нуля. Золотые искры из дыхания Ирис стали единственным источником света в этом молочном тумане.

— Куда мы летим? — спросила она, когда пальцы начали окончательно терять чувствительность, несмотря на внутренний жар. — Огненный пик находится на западе, а мы идем строго на север, к Дымным пустошам. Там ничего нет, кроме вечной зимы и старых костей.

— Старых костей там предостаточно, — согласился дракон. — Но моя сокровищница начинается не там.

Внезапно облака разорвало.

Перед ними выросла стена. Она тянулась от горизонта до горизонта, уходя вершиной в стратосферу. Это была не гора. Горы имеют текстуру, трещины, снег на пиках. Эта стена была абсолютно гладкой, зеркальной и черной, как застывшая смола. По ее поверхности лениво текли реки фиолетовой магмы, но они не издавали ни звука. Это был Шрам Раскола — граница мира, место, где древние боги во время своей последней войны ударили кулаком по небесному своду.

Дракон даже не замедлился. Он вошел в зеркало стены, как игла входит в масло.

Пространство вывернулось наизнанку.

Звезды поменялись местами с землей. Воздух исчез, сменившись густым киселем безвременья. Ирис почувствовала, как ее желудок остался где-то над Дымными пустошами, а сердце попыталось выпрыгнуть через горло. На один страшный миг ей показалось, что ее размазало по бесконечности тонким слоем масла.

А потом мир встал на место с мягким щелчком, похожим на звук закрывающейся музыкальной шкатулки.

Здесь было тихо. Настолько тихо, что Ирис слышала, как трутся друг о друга чешуйки на шее дракона. Здесь не было неба. Над головой висел купол из живого хрусталя, в котором отражалась вся столица — живая, шумная, совершенно не подозревающая, что прямо над ней есть еще одно небо.

Под брюхом дракона простиралась равнина, состоящая из чистого золота. Но это были не монеты. Это были воспоминания.

Огромные, медленно вращающиеся в пустоте золотые ленты, сотканные из света. Каждая нить гудела собственной мелодией. Вот лента пахнет свежей выпечкой и детским смехом

— память о первом празднике урожая в столице. Вот другая, тяжелая и багровая, источает запах пороха и железа — эхо битвы при Красном перевале. Третья звенит хрустальным звоном разбитых надежд.

— Что… что это? — прошептала Ирис.

— Память мира, — ответил дракон. Он спускался ниже, его огромные когти мягко погрузились в сияющую реку чужого счастья, не потревожив ее течения. — То, что люди оставляют после себя, уходя за Грань. Эмоции слишком сильны, чтобы просто исчезнуть. Они оседают здесь. Моя библиотека. Мой архив. Моя единственная настоящая сокровищница.

Он опустился на широкую платформу из черного базальта, припорошенную золотой пылью. Платформа парила в пустоте без всякой опоры.

— Зачем ты притащил меня сюда? — Ирис соскользнула со спины чудовища. Ноги отказывались держать, и она села прямо на теплый камень, подтянув колени к груди. Сапфир под кожей успокаивающе грел диафрагму. — Чтобы показать мне, как красивы слезы мертвецов?

Незримый сложил крылья. Теперь, вблизи, в тусклом свете золотых рек, Ирис видела истинный масштаб его одиночества. Древние шрамы на чешуе, седина у основания рогов, усталость в глубине лиловых глаз. Ему было не одна тысяча лет, и все эти годы он собирал чужой сор, потому что своего собственного мусора — друзей, семьи, дома — у него никогда не было.

— Затем, что твоя печь оказалась права, — дракон опустил голову. Его морда, способная перекусить пополам быка, выглядела виноватой. — Артефакт Первой династии не сломался. Он выбрал тебя. Зимний огонь не может существовать в вакууме. Ему нужен сосуд, который понимает цену тепла.

Он выдохнул. Но вместо пламени или льда из его пасти вылетел крошечный сгусток тумана. Он завис перед лицом Ирис и уплотнился, превратившись в точную копию деревянного башмака, того самого, что остался примерзать к брусчатке Кривого переулка.

— Ты сохранила мою зиму, пропустив ее через свои легкие, — продолжил дракон. — Теперь ты часть моего хранилища. Смертные живут быстро, ярко и глупо. Вы сжигаете свои чувства за пару десятков лет и умираете, оставляя после себя лишь пепел. Я предлагаю тебе сделку иного рода.

Он придвинулся ближе. Тень накрыла Ирис, но страха не было. Был только гул золотых рек памяти.

— Стань моим голосом, — пророкотал Незримый. — Моими глазами. Мои архивы бескрайни, но мертвы. Воспоминания нужно чувствовать, чтобы они жили. Ты будешь приходить сюда. Ты будешь выбирать одну ленту. Проживать ее заново для меня. Твоя человеческая смертность сделает бессмертную память острой. А взамен…

Его зрачок расширился, затягивая в бездну.

— Взамен ты получишь то, чего не купить за все золото этого мира. Тепло. Настоящее тепло очага, которое никогда не гаснет. Защиту. Никто в королевстве — ни король, ни маги-

стры Академии — не посмеет тронуть ту, кого оберегает дыхание Шрама. И информацию. Любую тайну любого человека, чья эмоция коснулась этой долины. Хочешь знать, кто отравил прошлого короля? Какое желание загадал принц-наследник прошлой весной? Все нити ведут сюда.

Ирис посмотрела на свою ладонь. Кожа мерцала едва заметным перламутровым светом. Она чувствовала течение золотых рек спиной.

Она вспомнила госпожу Бригитту, вечно недовольное лицо хозяйки «Тихой гавани», тяжелый деревянный башмак, стертые в кровь руки и миску остывающей овсянки. Вспомнила жизнь, которая состояла из бесконечного служения другим.

Затем она подняла взгляд на исполинскую тень дракона. На бесконечные реки чужих жизней. На возможность знать всё и владеть силой, от которой дрожат горы.

— Раз в неделю, — твердо сказала Ирис. — Никакой магии вне этих стен без моего согласия. И сапоги. Те самые, из телячьей кожи. Госпожа Бригитта обещала их сегодня, но я подозреваю, что старая жаба попытается сэкономить на подошве. Проследи, чтобы мастер использовал двойной шов.

Дракон замер. Лиловое пламя в его глазах дрогнуло, рассыпавшись на тысячи искр. По равнине воспоминаний прошла легкая рябь, и несколько золотых лент вспыхнули чуть ярче, резонируя с чистым недоумением древнего существа.

А затем по Шраму прокатился сухой, шелестящий хохот. Звук осыпающегося песка в гигантских часах. Смех горы, признавшей право муравья диктовать ей условия.

— Договорились, Ирис-поденщица, — пророкотал Незримый, склоняя голову в самом почтительном поклоне, на который только было способно тысячелетнее чудовище. — Добро пожаловать в Архив. Начнем с чего-нибудь простого. Например, найдем воспоминание о том, какой на вкус настоящий горячий хлеб с маслом. Кажется, я забыл этот рецепт около восьми веков назад.

Ирис усмехнулась, плотнее запахивая продуваемое всеми ветрами платье бывшей компаньонки. Впервые за двадцать лет своей жизни ей не нужно было экономить на еде и бояться завтрашнего утра. Впереди была вечность, полная чужих секретов и неограниченных запасов дров для печи.

Вечность началась с запаха подгоревшего сахара.

Ирис стояла на краю базальтовой платформы, крепко зажмурившись. Дракон — она так и не узнала его имени, а спросить после заключения контракта показалось дурным тоном — осторожно вытолкнул вперед одну из золотых лент. Она пахла жженым карамелем, пылью за книжным шкафом и густым, почти осязаемым чувством триумфа.

— Это что? — спросила Ирис, не открывая глаз.

— Первый поцелуй магистра Валериуса, — гулко ответил Незримый. В ментальном голосе дракона слышалась плохо скрываемая гордость архивариуса. — Сорок лет назад. Кухня общежития Академии. Он пытался произвести впечатление на дочь декана, приготовив «Элик-

сир огненной страсти» по рецепту из запретного гримуара. Перепутал толченый рубин с перцем чили. Девица сбежала через окно, прихватив серебряные ложки, но сам факт…

— Я чувствую только жжение во рту и обиду, — перебила Ирис. — Слишком вязко. Мне нужно что-то… плотнее. Что-то с костями. Найди мне воспоминание о человеке, который строит дом своими руками. Не магией, не заклинаниями, а топором и потом.

Дракон недовольно фыркнул, развеивая ленту с магистром в золотую пыль. По равнине прошла волна разочарования.

Платформа под ногами дрогнула. Архив реагировал на запросы мгновенно: золотые реки вокруг начали бурлить, сплетаясь в новые узоры. Одна нить выбилась из общего течения. Она была тусклой, цвета старой бронзы, и пахла смолой, дегтем и утренним туманом.

— Плотник с Речной стороны, — пророкотал дракон. — Двадцать третий год от Восстания Перьев. Строит лодочный сарай для вдовы. Левую руку потерял в прошлом сезоне, работает одной правой и зубами, когда никто не видит. Боится, что балка лопнет.

Ирис шагнула прямо в реку памяти. Золотой свет сомкнулся над головой. На секунду заложило уши, а затем мир обрел плотность.

Она стояла босыми ногами на грубом песке. Запах речной воды ударил в нос, настоящий, холодный, смешанный с ароматом прелых водорослей. Солнце, еще бледное, вставало из-за тумана над излучиной. Спина ныла от вчерашней работы, левое плечо саднило тупой болью — фантомной памятью чужой утраченной руки. В ладонь впивалась заноза.

*«Главное — держать отвес», * — подумала она. Или подумал тот, чьими глазами она смотрела. Тело помнило движение прежде мысли. Мышцы спины напряглись, тяжеленный брус лиственницы лег на подставку идеально ровно. Человек — звали его Йенс — сплюнул кровь из прикушенной губы, перехватил молот удобнее. Удар. Дерево глухо ахнуло, принимая кованые гвозди.

Это было тяжело. Изнурительно прекрасно. Каждая капля пота здесь имела вес, каждая мозоль — смысл. Здесь не было места шелковым платьям или придворным интригам. Была только физика, геометрия и упрямство смертного против гнилого дерева.

Удар. Еще удар.

— Хватит, — хрипло выдохнула Ирис, вываливаясь обратно на черный базальт. Ее трясло. Колени дрожали, легкие горели от нехватки воздуха, которого в Архиве всегда было чуть меньше, чем нужно живому человеку. — Настоящее. Слишком настоящее.

Незримый склонил голову набок. Лиловое пламя в его глазах пульсировало медленно, изучающе.

— Ты выбрала самое грязное и тяжелое воспоминание из тысяч доступных. Почему?

— Потому что оно честное, — Ирис потерла предплечья, стирая озноб чужого труда. — Магистр Валериус хотел славы и женского тела. Этот мужик просто хочет, чтобы крыша вдовы не протекла над ее детьми. Если я стану твоими глазами, я хочу смотреть на тех, кто держит этот мир на плечах, а не тех, кто прожигает в нем дыры ради забавы. Договорились?

Дракон молчал так долго, что золотые реки вокруг успели сменить направление трижды. Затем он издал звук, похожий на трескающегося ледника.

— Ты меняешься, Ирис-поденщица. Человеческая кожа слишком хрупка для архива. Она сгорит от первого же сильного чувства. Дай мне свою руку.

Ирис настороженно протянула ладонь. Она ожидала холода, способного остановить сердце, или жара, превращающего кости в пепел. Но коготь, опустившийся сверху, был лишь прохладным.

Кончиком черного ногтя дракон провел линию от запястья Ирис до сгиба локтя. Кожа разошлась без капли крови. Боли не было — только странное ощущение пустоты. Незримый наклонился ниже, и из его пасти потянуло не серой, а запахом старой бумаги и древесной пыли. Он аккуратно снял верхний слой эпидермиса, словно перчатку. Под ним оказалась новая ткань — мерцающая, полупрозрачная, сотканная из того же золотистого света, что и ленты памяти.

— Теперь ты будешь чувствовать их боль как тепло камина, — пояснил дракон, возвращая «перчатку» на место. Рана затянулась мгновенно, оставив после себя татуировку в виде крошечного сапфирового чешуйчатого завитка. — А их страх — как легкое покалывание статики. Выгорание тебе больше не грозит. Можешь благодарить.

— Благодарю, — машинально кивнула Ирис. — Значит, теперь я официально застрахована от эмоциональных травм?

— От них тоже, — согласился дракон. — Хотя твоя врожденная язвительность никакой магией не лечится. Полезный дефект. Держи.

Он мотнул тяжелой головой. Воздух перед Ирис сгустился, формируя прямоугольник. Пространственный карман. Внутри, переливаясь внутренним светом, лежали две вещи. Первая — пара великолепных кожаных сапог. Подошва действительно была двойной, прошитой суровой нитью, которую не взял бы ни один нож. Вторая — тяжелый бронзовый ключ на витой цепочке.

— Сапоги — аванс за молчание госпожи Бригитты, — пророкотал Незримый. — Ей сегодня ночью приснится сон о том, как выгодно она продала свой чердак королевскому казначею. Проснувшись, она будет счастлива месяц. Ключ — это твой доступ. Он открывает любую дверь в Столице. Любую щель, любой люк, любую замочную скважину. Информация любит тишину, а ты должна слушать.

Ирис взяла ключ. Металл приятно холодил даже сквозь новую драконью кожу.

— Куда мы сейчас? — спросила она, уже зная ответ. — Назад, собирать дань чужими жизнями?

— Нет. Сначала закончим с формальностями, — дракон расправил крылья, перекрыв ими половину неба. Солнечный свет Верхнего мира едва пробивался сквозь исполинский обсидиан. — Нам нужно юридическое лицо. Гильдия воров тебя отвергнет, Академия попытается разобрать на ингредиенты. Тебе нужна печать. Лицензия. Официальный статус, который заставит стражников опускать копья при одном взгляде на твои документы.

Золотой луч из глаза дракона ударил в центр платформы. Базальт пошел трещинами, выпуская на поверхность облако белого мраморного пара. Когда пар рассеялся, на камнях стоял письменный стол. Массивный, дубовый, абсолютно неуместный посреди метафизической бездны. На столе аккуратной стопкой лежали листы плотной гербовой бумаги, чернильница и самописка с золотым пером.

— Министерство Тайных Дел и Управления Ресурсами Короны, — объявил дракон, щелчком когтя разворачивая первый свиток. — Отдел мифического взаимодействия. Штатная единица: Внештатный эмпат-аудитор. Оклад: освобождение от налогов пожизненно. Социальный пакет: неприкосновенность. Опасность должности: четвертая категория из четырех. Приступай к заполнению, Ирис. И постарайся писать разборчиво, бюрократия ненавидит грязь сильнее, чем я ненавижу сырость.

Ирис закатила глаза, подошла к столу и решительно макнула перо в чернила. Кончики ее пальцев все еще хранили фантомную память о занозах старого плотника Йенса.

— Имя? — спросила она, готовясь выводить буквы.

— Пиши «Аметистовая», — подсказал дракон, устраиваясь рядом, словно огромный кот. — Звучит достаточно претенциозно для чиновничьего бланка. И поставь внизу дату завтрашнего дня. Хочу посмотреть, как поседеет регистратор в магистратуре, когда хронология сломается.

Ручка заскрипела по бумаге. Рядом, в золотом тумане бесконечной библиотеки, тихо напевала лента памяти о первой любви погибшего солдата, запах которой подозрительно напоминал дешевое мыло и яблоки. Работа предстояла долгая, но впервые в жизни у этой работы были невероятно удобный стул и гарантия выплаты жалованья.

Ручка дернулась. Чернила, густые и синие, как венозная кровь, расплылись по гербовой бумаге кляксой.

— «А-метис-то-вая», — медленно продиктовал дракон, вытягивая шею из-за плеча Ирис. Его горячее дыхание шевелило волосы на ее макушке. — У тебя дрожат руки. Смертные всегда нервничают при заполнении налоговых деклараций?

— Я нервничаю от того, что ты дышишь мне в ухо паром, способным вскипятить озеро, — огрызнулась Ирис, не отрывая взгляда от самописки. — И прекрати подсказывать. Если Министерство Тайных Дел узнает, что мою должность придумало тысячелетнее чудовище во время обеденного перерыва, меня казнят за подделку государственных документов раньше, чем я успею надеть новые сапоги.

Она решительно вывела: *«Ирис Аметистовая, внештатный эмпат-аудитор»*.

Как только перо оторвалось от бумаги, буквы налились тусклым фиолетовым светом. Клякса сама собой втянулась обратно в чернильницу. Лист мелко задрожал, края его завернулись внутрь, а затем с сухим треском спаялись в плотный свиток цвета запекшейся крови. Поверх возникла восковая печать размером с ладонь дракона. Оттиск изображал расколотый щит, через трещину в котором прорастала ветвь омелы.

— Департамент оккультной бухгалтерии будет в восторге, — пробормотала Ирис, принимая свиток. Бумага обжигала пальцы холодом.

— Они будут в ужасе, — поправил Незримый. — Что почти одно и то же, но гораздо полезнее для твоей долгой жизни. Держи еще это.

Он выдохнул в сторону стола облачко морозного дыма. Из тумана выкатилась тяжелая бронзовая цепь с жетоном. На жетоне была выгравирована одна-единственная руна — та самая, что означала «тишина». В центре руны пульсировал крошечный сапфировый зрачок.

— Это твой статус, — пояснил дракон. — Показывай его страже, когда они попытаются арестовать тебя за незаконное проникновение в спальню герцога или кражу фамильных секретов у баронессы. Стражники трусливы. Видя знак моего ведомства, они скорее проглотят собственные алебарды, чем зададут вопрос.

Ирис надела цепь на шею. Холодный металл лег поверх ключиц приятной тяжестью. Она посмотрела на свои руки, потом на бесконечную золотую равнину Архива, простирающуюся до горизонта.

— Хорошо, — сказала она, поворачиваясь к чудовищу. — Допустим, я теперь официальное лицо Короны, которое официально никто не должен видеть. Какова процедура выхода? Мы просто… шагнем в стену?

— Выход требует протокола, — важно кивнул дракон. Он поднялся во весь свой исполинский рост, заставив базальтовую платформу жалобно застонать. — Сначала нужно зафиксировать твое возвращение в материальный мир. Иначе твоя телесная оболочка останется здесь пылиться вечность, а в Кривой переулок выпадет лишь лужица золотистого света. Весьма неприятная бюрократическая ошибка.

Он наклонил голову. Между рогами проскочила лиловая искра. Дракон вдохнул — глубоко, шумно, втягивая в себя свет золотых рек памяти. Золото вокруг потускнело, река под ногами замедлила бег, становясь вязкой, как смола. Пространство начало схлопываться.

— Воздух! — пискнула Ирис, хватая ртом внезапно загустевшую атмосферу. — Мне нужен воздух!

— Терпи, — пророкотал Незримый. — Три… два…

На счет «один» он ударил крыльями.

Удара как такового не было. Была вспышка абсолютного нуля, сменившаяся невыносимым давлением. Пространственный карман Архива лопнул, словно мыльный пузырь. Мир перевернулся трижды, ослепляя белым светом.

Ирис рухнула вниз. Встречный ветер выбил из легких остатки магии Шрама. Сапоги, которые она прижимала к груди, вырвались из рук и полетели куда-то в сторону шпилей Академии. Сама она летела спиной вперед, кутаясь в платье бывшей компаньонки, которое трепало так, будто пыталось содрать кожу.

Рядом, обгоняя ее со скоростью артиллерийского снаряда, неслось нечто огромное и темное. Незримый выравнивался после перехода, его крылья гудели, рассекая дневной воздух Верхнего города.

Они падали прямо на Рыночную площадь. Внизу бушевала паника: стража выставила копья, торговцы опрокидывали лотки с рыбой, пытаясь создать баррикады, а толпа ревела единым животным криком ужаса.

— План?! — прохрипела Ирис, глядя стремительно приближающуюся брусчатку. — У нас есть план приземления?!

— Есть легенда! — отозвался дракон, закладывая крутой вираж и перехватывая девушку поперек туловища свободной лапой. Хватка была стальной, но аккуратной — чешуйчатые пластины сомкнулись вокруг нее, образуя живой бронированный кокон.

В десяти футах над землей дракон резко расправил крылья. Послышался звук, похожий на выстрел корабельной пушки — это воздух попытался занять освободившееся пространство. По площади прокатилась ударная волна, сбивающая с ног зазевавшихся зевак. Незримый опустился на мостовую настолько мягко, насколько позволяло полторы тонны древнего веса. Камень под его когтями пошел сетью трещин.

Кокон разжался. Ирис вывалилась на брусчатку, тяжело дыша. Ноги подкосились. Переход между мирами высосал из нее все силы, оставив только звенящую пустоту и странный привкус старой типографской краски во рту.

Дракон навис над ней, закрывая солнце. Толпа ахнула и отшатнулась назад. Острия копий стражников разом опустились к земле — сработал магический резонанс его жетона.

— Встань, аудитор, — пророкотал Незримый. — Не позорь ведомство перед электоратом.

Ирис поднялась, опираясь о теплую чешую его колена. Коленки дрожали, но спину она держала ровно. Расправила плечи, одернула перепачканное сажей и речной грязью платье и бросила самый высокомерный взгляд на капитана городской стражи.

Капитан был бледен как полотно. Его форменный берет съехал набок.

— Ваше… ваше могущество, — выдавил он, стуча зубами. — Нападение на столицу? Требования? Выкуп?

Ирис неторопливо достала из-за пазухи свернутый в трубку кроваво-красный свиток. Щелчком пальцев — простым, человеческим щелчком, без всякой магии — она сломала печать Департамента. По брусчатке пополз иней.

— Инспекция эмоционального фона рыночной зоны, — отчеканила она голосом, который сделала бы честь любой королеве. — Согласно указу номер четыреста двенадцать дробь восемь. Уровень коллективной паники превышает допустимую норму на сорок процентов. Кто отвечает за организацию давки? Вы?

Она ткнула пальцем в сторону капитана. Тот побледнел еще сильнее, хотя минуту назад казалось, что дальше некуда.

— Никак нет! То есть… ситуация под контролем! Паника локализована!

— Плохо локализована, — отрезала Ирис. — Женщина в третьем ряду слева сейчас думает о том, чтобы сменить веру и уйти в монастырь от страха перед ящерицами. Это недопустимо. Немедленно раздайте людям бесплатный эль. Алкоголь снижает уровень экзистенциального ужаса до приемлемых показателей отчетности.

Пока капитан судорожно пытался понять, издеваются над ним или это реальный государственный приказ, дракон лениво повернул голову. Его глаз зафиксировался на убегающих прочь сапогах Ирис, которые каким-то чудом застряли в водосточной канаве.

— Твоя обувь, — констатировал Незримый. — Кажется, левая туфля чуть обогнала правую. Нарушение субординации.

Ирис проследила за его взглядом. Затем вздохнула. Наклонилась, подобрала с земли комок лошадиного навоза и с силой швырнула его вслед убегающим сапогам.

Комок пролетел добрых тридцать футов и шлепнулся точно в голенище левого ботфорта, забрызгав дорогой телячий мех.

Толпа замерла. Капитан стражи икнул. Даже голуби затихли.

— Что? — Ирис обернулась к дракону с абсолютно невозмутимым лицом. — Они стоили мне трех месяцев мытья полов. Пусть знают свое место. Кстати о местах. Нам нужно найти тихую кофейню. У меня начинается ломка по нормальному горячему кофе без примеси астральной пыли. Составишь компанию, коллега? Или величие мешает тебе пить из фарфоровых чашек?

Незримый моргнул третьим веком. Лиловое пламя в его глазах дрогнуло, складываясь в узор чистого, незамутненного веселья. Древний ужас небес склонил свою увенчанную рогами голову в коротком поклоне.

— Только если ты платишь, аудитор. Моя кредитная история в Столице слегка подпорчена событиями столетней давности. Кажется, я тогда случайно сжег здание налоговой службы.

— Значит, будешь мыть посуду, — подвела итог Ирис, запахивая воротник платья. — Идем. И прикрой крылом ту часть площади, где пахнет особенно сильно. Мой новый статус обязывает соблюдать минимальную эстетику.

Кофейня «Жаровня магистра Густафа» пряталась в подворотне за Соборной площадью. Это было единственное место в Верхнем городе, куда не дотягивались щупальца гильдии бариста: здесь кофе варили по старинке, в медной джезве на песке, и подавали в толстостенных глиняных чашках, которые обжигали пальцы.

Дракон с трудом вписался в дверной проем. Звякнул надтреснутый колокольчик. Внутри пахло кардамоном, жженым сахаром и старыми книгами — хозяин кофейни был бывшим библиотекарем, сошедшим с ума на почве изучения влияния лунных циклов на прожарку зерен.

Заведение замерло. Двое студентов-теософов застыли с раскрытыми ртами, ложка с медом зависла над их плошкой. Купец средней руки подавился круассаном. Сам магистр Густаф выглянул из-за бархатной шторы, отделяющей кухню, держа в руках дымящийся противень с миндальным печеньем.

— День добрый, мастер, — голос Ирис звучал ровно и чуть хрипло после полета. Она шагнула внутрь первой, прикрывая собой чудовище от наиболее впечатлительных взглядов. — Нам нужен столик у дальней стены. Самый темный. И ваш лучший купаж. На двоих.

Губы магистра Густафа дрогнули. Он посмотрел поверх головы Ирис, встретился взглядом с фиолетовым пламенем Незримого, медленно кивнул и мелко перекрестился левой рукой, правой продолжая держать печенье.

— Разумеется, госпожа Аметистовая. Прошу за мной. Ваше… транспортное средство… э-э-э… спутник поместится?

— Я сложу крылья, — пророкотал дракон. Процесс складывания занял полминуты, сопровождался треском ломаемого пространства и запахом озона. В итоге он уместился за крошечный дубовый столик, заняв его целиком. Хвост, покрытый обсидиановой чешуей, пришлось оставить в проходе, где он тут же опрокинул вешалку для плащей.

Ирис села напротив. Теперь, когда они оказались в тесном помещении, абсурдность ситуации ударила по ней сильнее, чем высота Шрама. Напротив нее сидел древний бог разрушения, аккуратно подобрав лапы, чтобы не задеть вазочку с бумажными салфетками.

— Тебе идет статус чиновника, — заметил дракон, принюхиваясь к воздуху. Его ноздри раздувались, анализируя молекулярный состав корицы. — Этот запах страха… он изысканнее, чем страх крестьян. У него есть послевкусие дорогого парфюма.

— Это паника владельца заведения при мысли о счете, который я ему выставлю за аренду помещения под хвост, — Ирис потерла переносицу. Усталость брала свое. Переход между мирами всегда бил по сосудам. — Слушай внимательно, мой крылатый казначей. Мы начинаем работать прямо сейчас. Видишь того человека во втором углу? В сером сюртуке. Делает вид, что читает газету.

Незримый лениво скосил лиловый глаз. Человек вздрогнул, газета в его руках затрещала.

— Мелкий чиновник из канцелярии градоправителя. Принимает взятки пряностями. Сегодня утром пересолил омлет жене, теперь боится разоблачения. Ничего интересного. Сплошная бытовая пошлость.

— Для тебя пошлость, а для меня золото, — Ирис достала из рукава блокнот в кожаном переплете и самописку. — Взятки пряностями означают канал связи с Южными колониями. Канал связи означает контрабанду. Контрабанда ведет к Гильдии Ткачей, которая отмывает деньги через фиктивные поставки шелка. Записывай: источник «Пряность», вектор давления — супружеская неверность или кулинарная бездарность. Пока мы пьем кофе, ты пробежишься по Архиву и найдешь мне три самых грязных секрета этого города. Мне нужны рычаги. Настоящие, тяжелые рычаги, которыми можно переворачивать телеги с золотом.

Магистр Густаф лично принес им две чашки. Руки старого библиотекаря едва заметно дрожали, но пролить кофе он себе не позволил. Поставив перед драконом блюдце размером с щит, он тихо спросил:

— Господин аудитор… Сахар класть?

— Если положишь больше одного кубика, я запомню частоту вибрации твоих молекул, — вежливо ответил Незримый. — Моя спутница пьет черный. Без сахара. Ей нужна ясность ума для подсчета чужих грехов.

Густаф испарился быстрее, чем капля воды на раскаленной сковороде.

Ирис сделала первый глоток. Кофе был горьким, обжигающим и невероятно живым. После астральной пыли золотистых рек этот вкус казался самой реальностью.

— Хорошо, — она поставила чашку. — Теперь второй пункт повестки. Сапоги.

— Что сапоги? — дракон осторожно макнул кончик длинного когтя в свой напиток и с интересом наблюдал, как жидкость начинает медленно замерзать, покрываясь тонкой хрустящей корочкой льда.

— Ты обещал Госпоже Бригитте сон про продажу чердака. Сон прошел?

— Прошагал по ее сознанию в железных ботфортах. Проснулась счастливой, напекла пирогов мышам в подвале.

— Отлично. Значит, аванс отработан. Но мои ноги все еще мерзнут. Официальный статус требует официального передвижения. Нам нужна карета. Не наемная развалюха, которую трясет на каждой брусчатке, а закрытая гербовая карета Департамента. Черная. Лакированная. С кучером, который умеет делать каменное лицо и не задает вопросов, почему пассажир дышит морозом.

Дракон вынул коготь из чашки. Лед мгновенно растаял.

— Департамент Тайных Дел не выдает кареты внештатным сотрудникам уровня «мусорщик». Бюджет расписан на год вперед. Все средства ушли на закупку зачарованных пергаментов, которые нельзя сгрызть.

— Значит, нам нужно ограбление, — спокойно констатировала Ирис. — Чистое, наглое и абсолютно легальное. Найди в своей библиотеке памяти имя самого богатого идиота в этом городе. Человека, чье состояние нажито настолько грязно, что даже крысы брезгуют жить в его амбарах, но чья охрана состоит исключительно из слепых ветеранов.

Незримый задумчиво постучал когтем по столу. Посуда жалобно звякнула.

— Есть один кандидат. Барон фон Штосс. Три дня назад получил партию редчайших изумрудов из Северных копей. Налоги платить отказывается, ссылаясь на то, что камни — это «подарки природы, а природа налогами не облагается». Охрана действительно слепа на один глаз каждый — он экономит на жалованье, нанимая калек.

— Идеально, — глаза Ирис загорелись опасным, азартным огнем. — План такой. Завтра на рассвете. Мы подъезжаем к его особняку на Золотой миле. Ты остаешься в карете. Драконы плохо смотрятся в гостиных, это портит паркет. Я вхожу внутрь…

Она осеклась. По спине внезапно прошел жар, не имеющий ничего общего с температурой напитка. Тот самый уголек, что зародился в «Тихой гавани», вспыхнул, реагируя на приближение чужой магии.

В кофейню вошли трое. Они были одеты в одинаковые серые шерстяные пальто, какие носят мелкие клерки Министерства Порядка. Но шли они слишком синхронно. Их тени падали в разные стороны, хотя солнце светило в одно окно.

Первый подошел к стойке. Наклонился к магистру Густафу. Даже сквозь гул разговоров Ирис услышала тихий, шелестящий шепот, от которого завяли бы листья на комнатных растениях:

— Где девочка с ключом тишины? Приказ Короны. Немедленная экстрадиция в Башню Воронов. Оказание сопротивления приравнивается к измене.

Рука говорящего лежала на столе. Пальцы удлинились на сустав, превратившись в бледные, бескровные костяные иглы.

Незримый перестал играть с льдом в чашке. Воздух в кофейне резко похолодел. Стекла окон начали покрываться изнутри густым узором инея.

— Экстрадиция, значит, — пророкотал дракон так низко, что задребезжали ложечки в сахарнице. — Министерство Порядка упразднили пятьдесят лет назад во время реформы канцлера. Вы очень плохо подделываете документы, фантомы.

Трое развернулись как единый механизм. Их лица поплыли, теряя человеческие черты, обнажая гладкие овалы из тумана и горящие белым светом провалы глаз. Серые пальто оказались лишь маскировкой для вытянутых, хищных силуэтов.

— Отдай девчонку, Древний, — прошипел центральный. — Ее душа принадлежит Равновесию. Она нарушила закон обмена. Забрала холод, не заплатив жизнью. Мы пришли забрать долг.

Ирис медленно поднялась из-за стола. Страх никуда не делся — ледяные иглы пытались вскрыть защиту дракона внутри ее груди. Но рядом с этим страхом пульсировало нечто иное. Ощущение тяжелой бронзовой цепи на шее. Вкус власти. Привкус возможности узнать любую тайну.

Она посмотрела на свои руки. Драконья кожа под манжетой начала слабо светиться сквозь ткань.

— Господа представители Равновесия, — произнесла она громко и четко, привлекая внимание всех трех существ. — Ваша юридическая грамотность устарела. Закон обмена был дополнен поправкой сорок четыре бис. «О добровольном симбиозе высшей сущности и смертного сосуда». Печать Департамента Тайных Дел аннулирует претензии загробных коллекторов.

Она вытащила из-за пазухи кроваво-красный свиток. Кровавая восковая печать вспыхнула, испуская волны жара.

— Однако, — губы Ирис растянулись в улыбке, от которой магистр Густаф за шторкой сполз на пол в глубокий обморок. — Раз уж вы сами заговорили о долгах… Мой спутник только что жаловался на нехватку бюджета. Как насчет пожертвования в пользу Департамента? Ваши эссенции должны отлично гореть в министерских каминах. Коллега, — она повернулась к дракону, небрежно махнув рукой в сторону пришельцев. — Протокол изъятия недоимок. Приступайте.

Фиолетовое пламя в глазах Незримого сменилось чистым ультрамарином абсолютного нуля. Сухой шелест песка заполнил помещение.

— Наконец-то интересная работа, — выдохнул дракон, поднимаясь во весь рост и проламывая головой потолочную балку кофейни. — Я уже начал скучать по Кривому переулку.

Крыша «Жаровни магистра Густафа» взлетела вверх облаком черепицы и щепок, открывая утреннему небу Столицы битву древнего долга и новой бюрократии.

Черепица «Жаровни» осыпалась стеклянным дождем.

Первый фантом взвыл, когда когти дракона сомкнулись на его туманной груди. Это не был звук боли — это был скрежет рвущегося пространства. Незримый поднял существо в воздух. Фантом отчаянно пытался раствориться, просочиться сквозь камни мостовой, но лапа чудовища держала саму суть его бытия.

— Нулевой баланс! — рявкнул дракон и сжал кулак.

Фантом лопнул с тихим звоном бьющегося хрусталя. На брусчатку упал тусклый, размером с голубиное яйцо, серый кристалл — застывшая эссенция невыполненного обещания.

Оставшиеся двое отреагировали мгновенно. Они больше не выглядели как клерки. Их пальто разорвало изнутри костяными клинками, а лица окончательно потеряли форму, превратившись в маски из клубящегося дыма. Один метнулся к Ирис, игнорируя гиганта. Второй прыгнул прямо сквозь стену кофейни, уходя с линии атаки.

Ирис не стала доставать блокнот. Она шагнула навстречу дымному клинку, вскинув руку. Тот самый уголек внутри нее вспыхнул, перерабатывая астральный холод Шрама в чистое физическое сопротивление. Костяной нож ударил ее в грудь.

Лезвие прошло сквозь платье, сломалось о новую, мерцающую кожу под ним и рассыпалось серебряной пылью. Ударная волна отшвырнула фантома назад, впечатав его в чудом уцелевшую колонну.

— Департамент Тайных Дел, параграф об оскорблении должностного лица, — процедила она, стряхивая с плеча щепки. — Штраф — одна душа. Или твой эквивалент в твердой валюте.

Она бросилась вперед быстрее, чем позволяла человеческая физиология. Дыхание дракона изменило ее кровь: мышцы двигались плавно, без инерции, словно вода. Ирис схватила фантома за то, что раньше было воротником пальто. Ткань истлела в прах. Пальцы девушки сомкнулись на тонкой шее из черного дыма.

— Ты чувствуешь это? — прошептала она, глядя в белые провалы глаз существа. — Холод. Настоящий холод пустоты. Тебе он должен быть родным.

Ее прикосновение работало иначе, чем магия дракона. Если Незримый просто вымораживал материю, то Ирис *показывала*. Она открыла крошечную щель в своем сознании, позволяя фантому коснуться памяти Архива. Существо задрожало, увидев бесконечные золотые реки чужих жизней, почувствовав вес тысячелетнего одиночества своего хозяина.

— Мы теперь одно ведомство, — закончила Ирис и резко сжала пальцы.

Шея фантома рассыпалась сухим пеплом. Тело рухнуло на пол кучей серой пыли. Еще один тусклый кристалл покатился по доскам.

Третий противник оказался умнее. Он не стал возвращаться через дверь. Пока Ирис и дракон добивали первых двух, последний фантом скользил вдоль потолочных балок, которые еще каким-то чудом держались над головой. Он целился сверху, собираясь пробить череп Ирис чистой энергией распада.

Незримый заметил его слишком поздно — пыль мешала обзору. Он взревел, разворачиваясь, но прыжок такой массы в тесном помещении грозил похоронить их всех под обломками.

— Берегись! — крикнул дракон, понимая, что не успевает физически.

Ирис даже не посмотрела вверх. Она упала на колени, перекатилась через плечо, уходя с траектории падения люстры, и выставила ладонь параллельно полу. Она не пыталась создать щит. Она сделала кое-что более дерзкое.

— *Архив*, — выдохнула она.

Это слово не было заклинанием. Это был приказ системе мироздания. Золотые ленты памяти, тысячи которых сейчас текли сквозь ее кровь, отозвались на вибрацию голоса. Воздух перед ней загустел, превращаясь в вязкий янтарь.

Фантом спикировал вниз со скоростью арбалетного болта. Он вошел в зону действия приказа… и завяз. Его скорость упала. Энергия распада столкнулась с плотностью человеческих сожалений. Он барахтался в сиропе чужой ностальгии, медленно погружаясь глубже.

— Попался, — Ирис щелкнула пальцами.

Янтарь вокруг фантома пошел трещинами и взорвался миллионом световых искр. Ударная волна чистого знания вышвырнула существо обратно в материальный план, размазав по дальней стене. Фантом стекал по дубовым панелям, теряя очертания.

Дракон подошел к нему, аккуратно переступив через опрокинутый столик. Наклонил голову. Из пасти пахнуло озоном.

— Жалобы? Предложения по улучшению сервиса?

Существо булькнуло что-то нечленораздельное и исторгло из себя третий, самый крупный кристалл, который тут же разбился о каминную полку.

В кофейне воцарилась тишина, прерываемая лишь гудением пламени в очаге да тяжелым дыханием магистра Густафа, приходящего в себя под барной стойкой. В воздухе висел густой запах озона, жженого сахара и праха.

Ирис встала. Отряхнула руки, хотя они были идеально чистыми. Подошла к окну, выглядывая на улицу. Паника на Рыночной площади улеглась; стражники успешно списали разрушенную крышу на «магический сквозняк».

— Что это было? — пророкотал дракон, протискиваясь обратно к столу. Теперь, когда битва закончилась, он казался еще огромнее в разгромленном интерьере. Он осторожно взял чашку двумя когтями. Керамика жалобно затрещала. — Равновесие редко посылает коллекторов за мелкими сошками. Обычно они охотятся за теми, кто крадет души королей или переписывает судьбы империй. А ты всего лишь заняла место библиотекаря-недоучки.

— Я забрала не просто холод, — Ирис вернулась к столу, подняла с пола один из тусклых кристаллов-сирот. Он был ледяным на ощупь. — Я забрала часть твоего архива, пропустила через живую душу и вернула обратно. Для законов Мироздания я сейчас — дымящаяся дыра в балансе. Чернила, которыми пишут правила. Они послали бы этих ребят, даже если бы я просто украла буханку хлеба. Но…

Она замолчала, прислушиваясь. Где-то высоко, над разбитой крышей, раздался далекий, мелодичный звон. Не колокол тревоги. Чистый, хрустальный звук, похожий на падение льдинки в пустой колодец.

Звук повторился. Ближе.

— Кажется, мы только что перешли дорожку не только бухгалтерии мертвых, — тихо сказала Ирис. Ее лицо стало серьезным, исчезла привычная язвительность. — Коллекторы Первого ранга ходят быстро. Слишком быстро для обычных вестников Равновесия.

Один из уцелевших осколков окна со звоном влетел внутрь. Вместе с ветром в разгромленную кофейню вплыла фигура.

Это была женщина. Высокая, одетая в простое серое сукно, которое казалось дороже королевских мантий. У нее не было оружия. Самым страшным в ней были глаза — абсолютно пустые, лишенные белков и зрачков, заполненные лишь ровным жемчужным светом. Она остановилась посреди комнаты, перешагнув через лужу тумана, оставшуюся от последнего фантома.

Женщина перевела свой слепой взгляд на Ирис.

— Нарушитель Ирис Аметистовая, — голос звучал сразу отовсюду, вибрируя в зубах. — Вы удерживаете сущность класса «Эгида». Вы аннулировали три контракта Департамента Забвения. Вы применили протокол Архива вне зоны доступа.

Она сделала паузу. Жемчужный свет в глазницах потускнел, становясь почти сочувствующим.

— Баланс требует изъятия. Но Канцелярия Судеб пересмотрела ваше дело. Учитывая вашу эффективность при сборе недоимок с барона фон Штосса, которая превысила показатели штатных сотрудников на триста процентов…

Сердце Ирис пропустило удар. Барон? Они уже провернули ограбление? Когда? Пока она отбивалась от фантомов?

— …Верховный Визирь предлагает вам постоянную ставку, — закончила гостья. — Кабинет номер тринадцать. Оклад — бессмертие. Социальный пакет — право вето на собственную смерть. Испытательный срок — вечность. Ваш первый рабочий день начинается сегодня в полночь. Объект ликвидации — тот, кто стоит за нападением фантомов. Ваш бывший работодатель.

Гостья чуть повернула голову в сторону дракона. Лиловое пламя в его глазах впервые за столетия встретилось с силой, которую он не мог измерить своим весом.

— Верховный Визирь считает, что два стихийных бедствия работают лучше, чем одно. Примете назначение?

Ирис посмотрела на свои руки. Затем на сапфировую чешуйку, проступающую сквозь кожу на ключице. Потом на дракона. Уголок ее губ дернулся вверх.

— Мне нужен письменный контракт, — твердо сказала она. — В трех экземплярах. С пунктом о возмещении морального ущерба за уничтоженную кофемашину. И аванс. Те самые изумруды барона фон Штосса. Положите их на этот стол. Раз уж мой новый начальник так хорошо осведомлен о моих финансовых трудностях.

Женщина в сером позволила себе намек на улыбку. Уголки ее губ дрогнули впервые за встречу.

— Контракт будет кровью. Аванс прибудет через минуту. Карета Департамента ждет внизу.

Она развернулась, чтобы уйти, но остановилась в дверях, обратив свой слепой лик на Незримого.

— Вашу кредитную историю, господин Древний, мы тоже почистили. Взамен вы назначаетесь ее непосредственным куратором. Поздравляю с первым повышением за последние две тысячи лет.

За окном снова раздался цокот копыт. На этот раз он звучал глухо и тяжело — так ступают лошади, чьи подковы выкованы из упавших звезд.

Дракон посмотрел на Ирис. Впервые в его древней мощи промелькнуло нечто похожее на растерянность.

— Кажется, твоя карьера растет быстрее моей способности переваривать чиновников, — пророкотал он.

— Добро пожаловать в бюрократию, коллега, — Ирис подобрала с пола свою сумку, небрежно смахнув с нее пыль погибшего мира. — Пойдем. Нужно успеть подписать бумаги до того, как остынет кофе. И скажи кучеру, чтобы объезжал ямы — меня укачивает после контакта с загробным миром.

Копыта били по брусчатке Золотой мили с глухим, торжественным ритмом. Карета Департамента Тайных Дел не ехала — она плыла над землей, отталкивая туман массивными колесами из черного хрусталя. Внутри пахло старой кожей, озоном и дорогим табаком.

Ирис сидела на мягком бархатном диване, поджав под себя босые ноги. Сапоги из телячьей кожи стояли рядом. Она так и не успела их толком рассмотреть: изумруды барона фон Штосса прибыли ровно через минуту после ухода вестницы Равновесия. Не в мешках — они просто материализовались прямо на разгромленном столе кофейни «Жаровня», сложившись в идеально ровную пирамиду. Магистр Густаф теперь до конца жизни будет верить, что стал свидетелем чуда явления святой бухгалтерской отчетности.

Напротив Ирис, заполняя собой почти все пространство кареты, сидел Незримый. В тесноте экипажа его истинный размер ощущался иначе — не как угроза, а как надежная, теплая гора. Он пытался втянуть крылья, чтобы не задевать колени спутницы, но обсидиановые маховые перья то и дело высовывались сквозь стенки кареты, пугая редких поздних прохожих.

— Тринадцатый кабинет, — пророкотал дракон, глядя в окно на проплывающие мимо особняки Верхнего города. Теперь он смотрел на них не как хищник на добычу, а как кот на закрытую банку со сметаной. — Я две тысячи лет был стихийным бедствием. Меня боялись короли, передо мной падали ниц жрецы. А сегодня меня оштрафовали за парковку на крыше налоговой службы и повысили до няньки при канцелярской крысе.

— Во-первых, я аудитор, — лениво отозвалась Ирис, разглядывая свои руки. Новая кожа больше не мерцала золотом — она стала матовой, плотной, похожей на старый пергамент. Человеческой ее назвать было нельзя, но и монстром она Ирис не делала. — Во-вторых, ты сам согласился пить кофе из фарфоровых чашек. Назад дороги нет, чешуйчатый. Добро пожаловать в средний класс.

Карета замедлилась. Цокот копыт стих, сменившись абсолютной, ватной тишиной. Они остановились посреди пустоты. За окном больше не было огней Столицы. Только серый, клубящийся туман и одинокий фонарь, висящий в воздухе без всякой опоры. Под ним стояла простая дубовая дверь с медной табличкой: *«13. Входить без стука»*.

Дверь открылась сама.

Кабинет оказался огромным. Гораздо больше, чем могла вместить та скромная дверца в тумане. Стены уходили во мрак, теряясь где-то в созвездиях. Вместо потолка над головой медленно вращалась спираль галактики. Посреди этого космического хаоса стоял самый обычный письменный стол из дуба, заваленный бумагами. За столом сидел человек.

Он выглядел совершенно невзрачно. Серый костюм, залысины на лбу, усталые глаза человека, который слишком долго работал сверхурочно. Перед ним стояла чернильница, сделанная, кажется, из застывшего крика.

Верховный Визирь поднял взгляд от бумаг. Улыбнулся. От этой улыбки у дракона инстинктивно поднялась шерсть на загривке.

— Опоздали на три минуты, госпожа Аметистовая, — произнес он обычным человеческим голосом. — В Департаменте это считается прогулом. Но учитывая обстоятельства вашего найма… Начнем брифинг.

Визирь щелкнул пальцами. Груда бумаг на краю стола взмыла в воздух и начала тасоваться сама собой.

— Ваш бывший работодатель. Тот, кто натравил на вас фантомов первого ранга, надеясь забрать эссенцию Шрама себе. Это не Гильдия убийц. Не отвергнутый любовник вашей прошлой жизни. Это…

Одна единственная карточка вылетела из колоды и легла на сукно.

На ней была миниатюра. Идеально выписанный акварелью портрет мужчины средних лет. Благородные черты лица, пронзительные серые глаза, тронутые седины виски. Одет в строгий сюртук Министерства Просвещения.

Незримый наклонил свою огромную голову к столу. Его лиловое пламя вспыхнуло ярче.

— Невозможно, — выдохнул он, и ментальный голос дрогнул впервые за тысячелетия. — Я знаю этот разум. Этот запах магических чернил и гордыни. Это Архивариус Элиан. Хранитель Западного крыла моей библиотеки. Мой… младший брат. Мы делили одно небо, когда мир еще был молодым.

— Именно, — кивнул Визирь, снимая очки и протирая стекла краем рукава. — Семейные драмы — самые разрушительные, не находите? Две тысячи лет назад вы, господин Дракон, ушли гулять по мирам, забыв закрыть врата между Архивом памяти и реальностью. Потоки времени начали затапливать материальный план. Элиану пришлось запечатать разлом ценой собственной человечности. Он стал Голосом Равновесия.

Визирь снова надел очки. Взгляд его стал острым, как осколок льда.

— Сегодня печати ослабли. Ему нужен ключ. Нужен тот, кто носит в себе первозданный холод и способен выдержать жар звезды. Вы идеальная отмычка, Ирис. А ваш крылатый друг — идеальный таран. Элиан хочет переписать историю Творения. Начать сначала, сделав так, чтобы его жертва оказалась напрасной. Он станет Богом-Садовником, а мы с вами превратимся в пыль на его клумбе.

Повисла тяжелая пауза. Слышно было только, как где-то в галактическом потолке рождается новая сверхновая.

Ирис взяла карточку двумя пальцами. Посмотрела на спокойное лицо Архивариуса. Затем перевела взгляд на сапфировую метку на своей коже. Вспомнила Кривой переулок, запах рыбьей требухи и деревянную кружку с остывшим элем. Та жизнь казалась сном, случившимся с кем-то другим.

Она положила портрет обратно на стол.

— Хорошо, — сказала она буднично, словно обсуждала меню обеда. — План действий?

Визирь моргнул. Кажется, он ожидал истерики, торга или хотя бы минутного колебания.

— Простите?

— План, — повторила Ирис, доставая из воздуха самописку. Та появилась в ее пальцах уже заправленной кровью вместо чернил. — Где слабые точки? График дежурств охраны? Пароль от задней калитки? Если мы идем убивать вашего коллегу и брата моего спутника, я хочу знать время обеденного перерыва в его башне. Никогда не штурмую крепости на голодный желудок, у меня потом портится настроение.

Дракон издал низкий, рокочущий звук. Впервые за столетия это был не боевой клич и не угроза. Это был смех. Громовой, сотрясающий фундамент здания хохот существа, которое наконец-то нашло кого-то более безумного, чем оно само.

— Мне нравится эта девочка, Верховный, — пророкотал Незримый, выпрямляясь во весь свой невозможный рост. Галактика под потолком закружилась быстрее от потоков воздуха, создаваемых его крыльями. — Когда начинаем репетировать падение с небес ради спасения вселенной?

Визирь посмотрел на Ирис. Потом на Дракона. Уголки его губ дрогнули в ответной усмешке. Он выдвинул ящик стола и достал оттуда свиток, скрепленный печатью из живого огня.

— Обеденный перерыв у него длится сорок семь минут, — сказал Визирь, подвигая свиток к Ирис. — Начинается в полночь. Башня стоит на пересечении всех временных линий. Охраны нет — там стоят законы физики. Ваша задача, госпожа Аметистовая, пройти сквозь парадную дверь. Официально. Покажите им жетон. Пока Канцелярия Судеб будет проверять подлинность ваших полномочий, ваш спутник должен пробить крышу главного зала своим весом.

Он откинулся на спинку кресла, сцепив пальцы в замок.

— И да, Аметистовая. Насчет аванса… Изумруды барона оставьте себе. Купите нормальные сапоги. И теплую шаль. Там, куда вы отправляетесь, вечная зима.

* * *

Полночь.

Парадная лестница Башни Архивариуса сияла мрамором. Сто стражей-истуканов, выкованных из метеоритного железа, застыли вдоль стен. Сам Элиан ждал их на вершине, стоя спиной к разбитому витражному окну. Ветер трепал его седые волосы.

— Ты пришла убить меня, маленькая воровка? — спросил он, не оборачиваясь. Его голос звучал в головах каждого присутствующего одновременно.

Ирис остановилась на предпоследней ступеньке. Она тяжело дышала после подъема. Поправила съехавшую набок теплую шерстяную шаль.

— Нет, — ответила она громко, перекрывая вой ветра. — Я пришла провести аудит эффективности божественного вмешательства. Согласно пункту четыре дробь двенадцать должностной инструкции, использование служебного дракона для пролома кровли несанкционированно, если объект уклоняется от уплаты экзистенциальных налогов дольше пяти минут.

Она вытащила бронзовый жетон. Руна «тишина» на нем вспыхнула ослепительным светом.

— Время пошло, Элиан.

В ту же секунду небеса над Башней разверзлись.

Огромная тень закрыла луну. Звезды посыпались вниз ледяным дождем. Незримый падал вертикально вниз, выставив вперед когти, и его рев был громче самого раската грома. Это был не полет охотника. Это был удар правосудия.

Элиан обернулся. В его руках возник посох из чистого времени. Он готовился встретить судьбу.

А Ирис вздохнула, спрятала жетон в карман и села прямо на мраморные ступени. Достала из сумки яблоко, которое прихватила из корзинки магистра Густафа, и с аппетитом вгрызлась в него, наблюдая за началом конца старого мира.

У нее впереди была вечность бюрократии. Нужно было беречь силы. К тому же, внизу, среди обломков крыши, ей предстояло найти место для нового тринадцатого кабинета. Желательно — с хорошим видом на город и исправной печью.

Эпилог. Три месяца спустя

Кривой переулок Нижнего города пах по-прежнему — рыбой, надеждой и отчаянием. Но теперь к этим ароматам примешивался тонкий, едва уловимый запах озона после грозы и дорогой бумажной пыли.

Таверна «Пьяный сом» сменила вывеску. Теперь над входом красовалась строгая дубовая доска с бронзовой табличкой: *«Филиал Департамента Тайных Дел №13-бис (Приемная). Вход для должников с черного хода»*.

Ирис стояла за конторкой, протирая бокал толстого стекла. На ней было простое серое платье без единого украшения, волосы были туго стянуты в узел на затылке. Единственным ярким пятном во всей ее фигуре был тяжелый медный браслет-регулятор на левом запястье — подарок Верховного Визиря, не позволяющий ей случайно заморозить посетителей при плохом настроении.

Дверь открылась. Вошел промокший до нитки старьевщик. Увидев Ирис, он побледнел так, что его конопушки стали синими, и попытался рухнуть в обморок прямо на порог.

— Не смейте пачкать казенный пол, уважаемый, — ровно сказала она, даже не подняв головы от бокала. — Ваша задолженность по налогу на сновидения составляет три года. Если вы сейчас упадете, я буду вынуждена конфисковать вашу печень в счет уплаты, а она у вас жирная, департаментские аудиторы такое не принимают. Вы принесли память?

Старьевщик судорожно закивал и выложил на стойку тусклый серый кристалл, похожий на застывший кусок сахара.

— П-память о первом поцелуе, госпожа аудитор! Чистая! Без примесей!

Ирис взяла кристалл двумя пальцами. Поднесла к глазам. Внутри камня кружились две тени, пахнущие дешевым вином и паникой перед стоматологом. Она скривилась.

— Слюней больше, чем страсти. Оценка — два медяка. Следующий раз приносите первую зарплату или страх смерти, этот хлам засоряет архивные фильтры.

Она небрежным щелчком отправила кристалл в ящик стола, который тут же жадно поглотил добычу, сыто икнув синим пламенем.

— Свободен, — бросила Ирис. — И передайте привет молочнику. Его очередь на экзекуцию… простите, на профилактическую беседу… завтра в девять утра. Не опаздывайте, мой спутник ненавидит ждать.

Когда дверь закрылась, Ирис тяжело вздохнула. Вечная канцелярия. Она подошла к окну, выходящему во внутренний дворик. Там, занимая собой все пространство между кирпичной стеной таверны и забором сапожника, лежал Незримый.

За прошедшие месяцы дракон сильно изменился. Лишенный необходимости прятаться и вечно голодный из-за отсутствия магических потоков в Нижнем городе, он нашел новый источник пропитания. Он жрал бюрократию. Лежа на солнцепеке, он лениво перекатывал в пасти огромную стопку гербовых бумаг — годовые отчеты проворовавшегося интенданта Северного форпоста. Бумаги исчезали в глотке с тихим хрустом пергамента, а взамен дракон выпускал колечки идеального морозного дыма, которые складывались в воздухе в цифры дебета и кредита.

Рядом с ним крутилась их единственная домашняя зверушка — бывший фантом второго ранга, которого они подобрали после штурма Башни. Существо лишилось своей призрачной сути, но сохранило форму. Теперь это был просто очень меланхоличный черный кот размером с теленка, который умел ходить сквозь стены и имел дурную привычку спать внутри каминной трубы, вызывая пожары исключительно чувством собственного достоинства. Кот звался Балансовый Отчет, или просто Балли.

— Опять экономишь на угле? — раздался сверху гулкий голос.

Ирис подняла голову. Над крышей нависла огромная голова. Незримый закончил с отчетами и теперь смотрел на хозяйку одним фиолетовым глазом. Из ноздрей дракона шел пар.

— Уголь стоит денег, чешуйчатый, — отозвалась она. — А бюджет Департамента трещит по швам из-за твоего аппетита к государственным тайнам. Верховный Визирь прислал гневное письмо. Говорит, ты вчера съел договор о ненападении с Северными островами вместе с копией. Теперь северяне думают, что мы объявили им войну, потому что оригинал остался цел, а дипломатическая почта пропала.

Дракон фыркнул, выпустив облако снега, которое осело на подоконнике.

— Война полезна для экономики. Стимулирует производство алебард. К тому же, копия была невкусная. Чернила высохшие.

Он подтянулся ближе, цепляясь когтями за черепицу. Камень крошился под его весом, как песочное печенье.

— Скучаешь по стирке скатертей? — спросил он мягче. В ментальном голосе проскользнули нотки вины.

— Каждый день, — честно призналась Ирис. — По крайней мере, тогда моей главной проблемой была плесень. А теперь мне нужно решить, кого из трех герцогов посадить в тюрьму

за подделку лунных фаз, чтобы не обрушить курс валюты. Кстати, твои новые апартаменты готовы.

Глаза дракона вспыхнули интересом. За время работы на Корону он обнаружил неожиданную слабость к роскоши. Оказалось, что тысячелетний ужас небес имеет весьма изысканный вкус в области бархатных диванов и золотых подсвечников.

— Залезли в сокровищницу Короны? — оживился он. — Надеюсь, взяли тот гобелен с единорогами? Он отлично оттенял бы мою чешую.

— Мы взяли грант на развитие городской инфраструктуры, — усмехнулась Ирис. — Официально твой чердак под башней проходит как «Секретный криогенный склад номер четыре». Я выбила тебе двойные своды и систему подогрева пола. Взамен ты будешь замораживать рыбу для рыбных рядов по вторникам. Муниципальный подряд.

Незримый задумчиво почесал рог о край крыши, сбив пару черепиц.

— Работаешь кем-то вроде завхоза, Аметистовая?

— Кем-то вроде бога этого болота, — она поправила рукав платья. — Знаешь, почему я согласилась на предложение Визиря там, в кофейне? Не из-за бессмертия. И не из-за власти. Когда Элиан падал, когда рушились своды времени… никто внизу, на площади, даже не заметил. Люди продолжали торговать репой и браниться с женами. Мир слишком велик, чтобы заметить смерть одного хранителя памяти. Но если погаснет печь в пекарне на углу Кривого переулка — замерзнет весь квартал.

Она повернулась к дракону. В ее глазах больше не было страха девочки из трущоб. Только спокойная, тяжелая уверенность человека, держащего на плечах небо.

— Пусть боги играют в свои игры со временем. Мое место здесь. Следить, чтобы счета сходились, печи горели, а такие, как ты, вовремя платили налоги холодом.

Дракон долго молчал, глядя на нее сверху вниз. Затем медленно, с каким-то древним благоговением, наклонил шею и потерся бронированной головой о плечо женщины. Это было похоже на ласку движущейся горы.

— Хорошо быть бухгалтером, — пророкотал он. — Никто не пытается тебя убить дважды за одну неделю.

Внезапно тишину прорезал громкий, требовательный мяв. Огромный черный кот спрыгнул откуда-то из-под карниза и требовательно боднул Ирис в бедро.

— Ох, прости, Балли, — Ирис открыла дверцу шкафчика под конторкой и достала миску. — Совсем забыла. Ужин.

Она зачерпнула из стоящего рядом ведра мерцающую субстанцию, похожую на жидкое серебро. Это была эссенция украденных воспоминаний — деликатес для бывших фантомов. Кот начал урчать так громко, что затряслись бутылки на полках.

Ирис смотрела, как чудовище размером с лошадь ест звездную пыль из глиняной плошки. Дракон на крыше сонно щурился, переваривая государственные секреты. Где-то вдалеке били часы на Ратуше, отсчитывая время нового мира.

Вечер опускался на Столицу. Впереди была бесконечная ночь, полная нескончаемой отчетности, споров с Верховным Визирем о цене дров и попыток научить древнего бога правильно заполнять квартальные бланки.

Но впервые за всю свою жизнь Ирис-поденщица знала наверняка: завтрашнее утро наступит. И оно будет теплым.

***

Танцующая для мятежного дракона
Глава 1

Говорят, если долго смотреть в глаза мятежному дракону, можно увидеть там собственную смерть. Я предпочитаю смотреть на его сапоги. Во-первых, они не пытаются выжечь мне сетчатку первозданным пламенем. Во-вторых, по состоянию обуви всегда можно понять, насколько сильно заказчик хочет тебя убить.

Сапоги моего нынешнего клиента были сшиты из кожи василиска и застегнуты пряжками из черненного серебра. Пряжки сияли так надменно, что хотелось протереть их рукавом просто из вредности. Сам клиент — лорд Кайрен Вейн, опальный принц-изгнанник и единственный наследник Драконьего Престола, которого папенька официально объявил «ошибкой юности и темной магии», — мерил шагами гримерную театра «Черная Лилия».

От него пахло озоном, гарью недавнего боя и дорогим парфюмом, который не мог скрыть запах ярости.

— Ты понимаешь серьезность задачи, дева? — он остановился перед моим зеркалом, заслонив собой свет газовых ламп. Тень от его крыльев — сейчас плотно прижатых к спине, но все равно ощутимых, как грозовая туча — накрыла мой туалетный столик. — Мой отец празднует День Основания через три дня. Он будет сидеть в императорской ложе Небесного Амфитеатра. Охрана состоит из трех сотен боевых магов, личной гвардии и парочки параноидальных жрецов Света. Мне нужно, чтобы ты вышла на сцену…

— И сплясала джигу у него на костях? — я аккуратно подвела углем стрелку на правом глазу. Рука не дрожала. Когда десять лет работаешь канатоходкой без страховки, руки перестают дрожать даже в эпицентре землетрясения. — Это стоит дороже, лорд Вейн. Намного дороже.

Он скрипнул зубами. Человеческая личина сидела на нем безупречно — широкие плечи, тяжелые черты лица, волосы цвета воронова крыла. Но стоило ему разозлиться, как воздух вокруг начинал густеть, а зрачки вытягивались в вертикальные щели.

— Танец должен быть таким, чтобы Император забыл о своей охране, — процедил Кайрен, опираясь руками о раму моего зеркала. Дерево протестующе затрещало. — Таким, чтобы Старейшины открыли купол для проветривания. Таким, чтобы каждый удар твоих каблуков вбивал гвоздь в крышку гроба его репутации. Я хочу устроить переворот, Элара. А лучший способ обезглавить режим — это выставить его посмешищем.

Я отложила карандаш и повернулась на крутящемся стуле. Мое сценическое платье из алого шелка зашуршало, оседая складками. В отличие от лорда Вейна, на мне была дешевая подделка под аристократию: слишком много открытого тела, слишком мало кружев, взгляд женщины, которая знает цену каждому медяку.

— Посмешищем или трупом, милорд? — я подняла бровь. — Потому что танцевать перед толпой магов-истребителей — это очень специфический жанр юмора. Обычно зрители смеются уже после того, как танцовщица превращается в головешку.

Кайрен обошел меня кругом. Его движения напоминали походку крупного хищника, запертого в слишком тесной клетке. Он навис надо мной, опираясь ладонями о подлокотники моего кресла. Теперь я чувствовала не только запах гари, но и жар его кожи. Драконы всегда горят изнутри, особенно те, кого предали.

— Ты выживешь, — сказал он тихо, и этот тон пугал больше, чем крик. — У тебя есть то, чего нет ни у одной танцовщицы в Империи. Магия крови рода Арден.

Мое сердце пропустило удар. Стакан с водой, стоявший на краю стола, покрылся тонкой корочкой инея.

Ледяной дар. Проклятие моей семьи. То, из-за чего нас выжгли каленым железом двадцать лет назад во время «Чистки Истока».

— Если ты знаешь об этом, лорд Изгнанник, — мой голос стал опасно мягким, — то ты знаешь и то, что моя мать сгорела заживо, пытаясь спрятать этот огонь. А я танцую в дешевых кабаках, потому что один неверный жест превращает вино в кровь, а шелк — в ледяные иглы. Я не контролирую это.

— Никто не контролирует хаос, Элара, — уголок его губ дернулся вверх в мрачной усмешке. — Его лишь направляют. Тебе не нужно контролировать пламя. Тебе нужно просто… станцевать. Отдайся ритму. Пусть твои ноги бьют по сцене так, будто хотят расколоть землю. Император ждет грации и огня. Мы дадим ему зиму.

Он достал из внутреннего кармана камзола бархатный мешочек. Бросил его мне на колени. Внутри тяжело звякнуло золото — имперские солиды, которых хватило бы купить весь этот театр вместе со шлюхами за кулисами.

— Здесь аванс, — произнес Кайрен. — Остальное получишь утром четвертого дня, когда проснешься в моем замке на Железных островах уже королевой. Или не проснешься вовсе, если решишь бежать. Мои люди найдут тебя даже на дне морском. Кровь Арден фонит на полмира. Для моих чувств она звучит как погребальная песня.

Он выпрямился, возвращая себе дистанцию высокородного ублюдка.

— Форма одежды?

Я сгребла монеты со стула, даже не считая. Золото успокаивает нервы лучше валерианы.

— Ничего лишнего, — сказала я, снова поворачиваясь к зеркалу и берясь за карандаш для левого глаза. — Только тело, ритм и сталь под языком. Чтобы, если ваши хваленые маги пустят в меня молнию, зубы не расплавились.

— Скверный характер, — констатировал принц, наблюдая за мной. — Идеально подходит для самоубийственной миссии.

— Это не скверный характер, ваше высочество, — я нанесла финальный штрих, отбросила карандаш и посмотрела прямо в его пугающие вертикальные зрачки. — Это профессиональная деформация девочки, которую однажды уже пытались сжечь за чужие грехи. Я не боюсь смерти, лорд Вейн. Я боюсь плохо оплаченной работы.

За дверью гримерной загремели литавры — начался второй акт. Театр жил своей обычной жизнью, пахнущий пылью, потом и несбывшимися мечтами. Где-то там, наверху, под самым куполом, мои подруги по кордебалету сейчас балансировали на тросах, рискуя свернуть шеи ради ужина.

А я подписывала контракт на танец, который либо начнет войну, либо закончит мою жизнь.

Кайрен удовлетворенно кивнул, словно прочитав мои мысли. Он открыл дверь, впуская в маленькую комнатку гул зрительного зала.

— Начни репетиции завтра на рассвете. На крыше старой колокольни. Я прослежу, чтобы ты не замерзла насмерть до премьеры.

Дверь захлопнулась. Замок щелкнул автоматически — хозяин театра экономил на всем, включая прислугу.

Я осталась одна. Смотрела на свое отражение: бледное лицо, кроваво-красные губы, глаза, подведенные так резко, что казались оружием.

В стакане воды окончательно сформировался тонкий хрустальный цветок.

Я осторожно коснулась его пальцем. Лед отозвался тихим, музыкальным звоном.

Что ж, Ваше Высочество. Вы хотите зрелища? Старый добрый император любит танцы с огнем.

Придется научить старого ящура любить холод.

Глава 2

Крыша старой колокольни Святого Игнация — не самое подходящее место для балета.

Во-первых, здесь гуляет такой ветер, что он срывает корсеты даже с каменных горгулий. Во-вторых, наклон черепицы составляет почти сорок пять градусов, и один неверный пируэт грозит закончиться полетом вниз, прямиком на головы утренним молочникам. В-третьих, мой новый хореограф оказался невыносимым тираном.

— Выше колено! — рявкнул лорд Кайрен Вейн, перекрывая свист ветра. — Ты танцуешь вальс или пытаешься отряхнуть снег с сапога? Резче!

Он стоял внизу, на крошечной площадке у основания шпиля, скрестив руки на груди. Человеческая личина сегодня давалась ему тяжелее: рассвет выдался морозным, а драконы ненавидят холод, если только сами его не создают. От него исходили видимые волны жара, которые тут же воровал ледяной сквозняк, превращая воздух вокруг принца в дрожащее марево.

Я стояла на самом краю конька крыши. Под атласными туфлями было ровно четыре дюйма опоры. Ветер трепал мою легкую репетиционную рубашку, норовя задрать ее до лопаток.

— Если я подниму колено еще выше, милорд, — процедила я, стараясь удержать равновесие при очередном порыве, — центр тяжести сместится, и ваш будущий трон получит прекрасное украшение в виде моих мозгов на брусчатке площади. Это испортит церемонию коронации.

— Твой яд меня не впечатляет, Арден, — он оттолкнулся от стены и начал подниматься ко мне по крутой пожарной лестнице, которую приволок сюда час назад. Лестница опасно скрипела под весом изгнанного наследника. — Император должен быть впечатлен. А чтобы он был впечатлен, ты должна двигаться быстрее мысли. Старейшины видят мир сквозь призму столетий. Для них человеческая пляска — это мельтешение насекомых. Нам нужно превратить это мельтешение в удар хлыста.

Он добрался до моего уровня, но вставать рядом не стал. Умно. Крыша едва выдерживала нас двоих. Он остался на ступеньку ниже, нависая надо мной.

— Снова. С самого начала. И закрой глаза.

— Я стою над пропастью в тридцать футов с голыми ногами, ваше высочество. Глаза останутся открытыми, если вы не хотите соскребать меня с мостовой совком.

— Закрой их, — приказал он уже без злости. В голосе прорезалась та властная, древняя хрипотца, которая, должно быть, заставляла целые армии опускать щиты. — Мне не нужны твои зрачки. Мне нужно то, что за ними.

Я глубоко вздохнула, наполняя легкие обжигающим воздухом. Послушалась. Опустила веки. Мир исчез, сменившись алым пламенем закрытых глаз и гулом крови в ушах.

— Слушай ритм, — его голос теперь звучал прямо у моей шеи, хотя он все еще был на лестнице. Теплое дыхание коснулось мочки уха. — Не музыку ветра. Мой пульс. Чувствуешь?

И я почувствовала.

Это было похоже на землетрясение. Глубокий, утробный рокот, который шел не из его груди, а откуда-то из-под земли, вибрируя через камень башни, через мои замерзшие стопы, впиваясь в кости. Сердце мятежного дракона билось медленно, тяжело, выбивая искры где-то в самой магме мира.

— Теперь добавь свой счет, — прошептал он.

Мои ладони сами собой сжались в кулаки. Кровь Арден отозвалась мгновенно. Она больше не была проклятием, которое я прятала. Рядом с этим первобытным жаром мой дар казался… родным. Словно северная река наконец нашла океан.

Лед не выстрелил иглами. Он потек по венам спокойной, кристальной водой.

Я сделала шаг. Каблук опустился на скользкий конек крыши.

Бум.

Удар подошвы о черепицу совпал с ударом драконьего сердца.

Еще шаг. Поворот. Рука взмывает вверх, ловя невидимого партнера.

Бум.

Темп ускорялся. Рокот внутри нарастал. Мое тело начало двигаться само, вспоминая забытые уроки матери, те самые, за которые ее обвинили в государственной измене. Танец Льда — смертельный, острый, ломающий суставы тем, кто пытается его повторить.

— Хорошо, — выдохнул Кайрен. Его пальцы сомкнулись на моем запястье — не грубо, а жестко, направляя движение. — Держи этот узел. Не отпускай. Мы летим.

Мы танцевали на крыше. Или сражались. На этой высоте разница стиралась. Он вел меня снизу, диктуя каждый шаг своим пульсом. Я отвечала сверху, рисуя телом узоры отрицательных температур. Моя рубашка покрылась по краям тонкой изморозью. Там, где наши тела должны были соприкоснуться в воображаемом па-де-де, воздух замерзал в хрупкое стекло.

В какой-то момент страх высоты умер. Осталось только чувство невероятной, пьянящей свободы. Здесь, между свинцовым небом и острыми шпилями Столицы, мы были единственными живыми существами. Король-изгнанник и бродяжка с проклятой кровью.

Ритм достиг крещендо. Я прогнулась назад так далеко, как позволяла физика человеческого тела, опираясь лишь на его руку и край черепицы. Волосы свесились вниз, касаясь пустоты. Внизу, под нами, просыпался город — копошащийся, грязный, живой муравейник.

А затем музыка оборвалась.

Сердце Кайрена пропустило удар. Хватка на моем запястье стала железной.

Я распахнула глаза.

Мир накренился. Принц дернул меня на себя с силой взлетающего ястреба, вытаскивая с края крыши. Мы рухнули на площадку у лестницы вместе, переплетенные клубком конечностей и тяжелого дыхания.

Его ладонь лежала на моей талии, прожигая тонкую ткань рубашки даже сквозь куртку. Вторая рука запуталась в моих волосах. Наши лица разделяли считанные дюймы. Я видела каждую чешуйку цвета воронова крыла, начинающую проступать на его скулах от резких движений. Зрачки снова стали вертикальными, заполнив почти всю радужку золотом.

— Ты чуть не упала, — хрипло сказал он. Это прозвучало не как упрек. Скорее как констатация факта человека, которому внезапно стало страшно впервые за двести лет.

— Вы плохо держали, — выдохнула я в ответ. Зубы начали отбивать дробь — не от холода, от того адреналинового отката, который следует за танцем со смертью.

Наши губы оказались слишком близко. Ближе, чем позволяют приличия. Ближе, чем позволяет здравый смысл принцу и уличной танцовщице.

Пахло озоном, раскаленным камнем и моим дешевым мылом.

Где-то внизу громко каркнула ворона, возвращая нас в реальность.

Кайрен моргнул. Золотая вертикаль зрачка дрогнула, уступая место человеческой зелени. Он резко отпрянул, убрав руки так быстро, словно обжегся. Сел на пятки, тяжело дыша, глядя куда-то поверх моего плеча.

— У тебя кровь, — глухо произнес он.

Я машинально коснулась верхней губы. Пальцы окрасились красным. Носовое кровотечение — стандартная плата за использование магии Арден на пределе возможностей.

— Просто сосуды, — я стерла кровь тыльной стороной ладони, размазав ее по щеке. — Цена танца.

— Завтра продолжим, — бросил он, поднимаясь на ноги одним плавным движением хищника. Он уже снова надел маску высокомерного лорда, но ворот его рубашки был расстегнут, а волосы растрепаны ветром, выдавая недавнего зверя. — Императору нужна не просто мертвая девица на сцене. Ему нужен шедевр, Элара. А шедевры требуют жертв.

Он легко, почти невесомо перепрыгнул на лестницу и начал спускаться вниз, оставляя меня одну на продуваемой всеми ветрами крыше.

Я осталась сидеть на промерзшей черепице, прижимая рукав к губе. Смотрела, как его высокая фигура исчезает в тумане переулков.

Цена танца. Он прав. Но дело было вовсе не в лопнувших сосудах носа.

Проблема была в том, что мое сердце, кажется, решило станцевать соло, пока тело выполняло приказы. И этот внутренний танец остановить было гораздо сложнее, чем падение с тридцатифутовой высоты.

Глава 3

Театр «Черная Лилия» вонял дешевым воском, отчаянием и несвежими розами.

После промозглой чистоты колокольни Святого Игнация гримерная казалась мне клеткой для больных обезьян. Зеркало в подтеках отразило растрепанную девчонку с бледным лицом, на котором алыми пятнами горел румяц от ледяного ветра, а верхняя губа все еще была заклеена куском бумажного пластыря.

— Опять гуляла по крышам? — Майя плюхнулась на соседний пуфик так резко, что ножка старого стула жалобно всхлипнула. Она начала яростно вбивать в поры густую рисовую пудру, хотя ее собственная кожа цвета темного меда в этом не нуждалась. — Твои глаза блестят, как у утопленницы, Элара. Если хозяин узнает, что его главная прима тратит гонорары на услуги гробовщиков заранее, он вычтет это из нашего жалованья.

— Это называется репетиция, Майя, — я потянулась за шпильками, чтобы собрать волосы в небрежный узел. Руки все еще мелко подрагивали после утреннего ритма драконьего сердца. — И платят там вперед.

Майя фыркнула, выпустив облачко белой пыли.

— Платят вперед только наемникам и отравителям. Кто на этот раз? Очередной престарелый барон, которому нравится смотреть, как юные девы балансируют на карнизах третьего этажа?

Я посмотрела на подругу. В тесной духоте гримерки было легко забыть, что мир снаружи сошел с ума. Здесь пахло корсетами и сплетнями. Здесь Кайрен Вейн был просто мифом из газетных листовок «Разыскивается за государственную измену», а лед в моих жилах считался лишь дурной привычкой спать с открытым окном.

— Хуже, — сказала я, вкалывая шпильку глубже, чем следовало. — Я подписала контракт с революцией. Мне нужно упасть замертво перед Императором через два дня, но сделать это красиво и желательно без летального исхода для себя.

Майя замерла с пуховкой в руке. Затем медленно опустила ее и расхохоталась. Смех был хриплым, прокуренным и абсолютно беззаботным.

— Боги, девочка, ты бы хоть предупреждала! А то я уже поверила, что ты действительно продаешь душу какому-то маньяку. Революция платит плохо, зато обещает славу. Ты будешь висеть на всех углах Столиды. «Святая мученица танца». Из тебя сделают отличное знамя.

Она снова принялась краситься, теперь накладывая вокруг глаз жирные черные круги — сценический образ «Лунной вдовы».

— Только учти, если начнется резня, падай лицом в мою сторону. У меня платье новое, атласное, бордовый шелк. Не хочу отстирывать твою кровь, она наверняка испортит цвет.

Дверь гримерной распахнулась, ударившись о стену. На пороге возник месье Дюбуа, наш режиссер. Человек, состоящий преимущественно из жилета, карманных часов и хронического недосыпа. Его усы топорщились, как шерсть кота, которого окунули в кипяток.

— Арден! — взвизгнул он. — Где вас носит?! Через десять минут ваш выход в «Танце Семи Покровов», а вы выглядите так, словно всю ночь отбивались от кредиторов! Публика пришла смотреть на обнаженную лодыжку, а не на лицо человека, пережившего финансовый крах!

Он подбежал ко мне, размахивая руками.

— Живот втянуть! Грудь подать вперед! Улыбаемся так, будто нам только что подарили имение в южных землях, а не подсунули тухлую селедку! Шевелитесь, шевелитесь! Вы задерживаете антракт!

Я позволила ему суетиться вокруг, расправляя складки моего полупрозрачного костюма, который честнее было бы назвать ювелирным украшением из ткани. Пока Дюбуа причитал над креплением фальшивого бриллианта на моем бедре, я смотрела в зеркало поверх его плеши.

Там, в отражении, за моим плечом, мелькнула тень. Слишком плотная для игры света. Темнее обычного театрального сумрака.

Мое дыхание перехватило. Воздух в легких мгновенно остыл до нуля градусов.

Кайрен сказал, что моя кровь фонит. Что он найдет меня где угодно. Кажется, наследник Драконьего Престола забыл уточнить: не только *он* может найти меня по этому следу.

— Месье Дюбуа, — мой голос прозвучал ровно, несмотря на то, что сердце рухнуло куда-то в область желудка. — Посмотрите направо. За кулисой номер три. Там стоит человек. Он портит вашу пожарную безопасность своим присутствием.

Режиссер обернулся так быстро, что едва не потерял монокль.

За тяжелой малиновой портьерой, скрывающей технический ход, действительно стоял силуэт. Мужчина в сером дорожном плаще с поднятым воротником. Капюшона не было, и даже тусклый свет рампы не мог скрыть мертвенной бледности его лица и того факта, что тени падали сквозь него неправильно.

— Это… это какой-то фокус? — прошептал Дюбуа, хватаясь за сердце. — Новый трюк конкурентов? Мы же заплатили страже порта, чтобы их гастролеров арестовали!

Фантом шагнул вперед, выходя из-за портьеры прямо на авансцену служебной зоны. Половые доски под его ногами не скрипнули. Майя тихо ойкнула и перекрестилась серебряным рублем, который всегда носила в лифчике от сглаза.

Гость остановился. Медленно поднял руку и стянул перчатку из тонкой кожи. Под ней оказалась ладонь, состоящая из переплетения черных нитей и пепла. Он посмотрел прямо на меня. У него не было глаз — только провалы, наполненные пульсирующим фиолетовым светом Шрама.

— Кровь Арден, — прошелестело по залу. Голоса не было, звук рождался прямо между ушами, вызывая зубную боль. — Отступница. Тот, кто греет твои руки, нарушил Договор Равновесия. Мы пришли напомнить о долге.

Это были не люди Кайрена. Это были Коллекторы. Те самые жнецы, которые приходили к моей матери двадцать лет назад. Они не служат королям. Они служат законам Мироздания, и им плевать на перевороты.

Дюбуа тоненько взвыл и начал сползать по стенке в обморок. Майя выставила перед собой тяжелый бронзовый канделябр, хотя против сущности такого порядка металл бесполезен.

А я почувствовала, как внутри поднимается холод. Но не тот, контролируемый, которым я танцевала утром. Это была первобытная зима осиротевшего ребенка.

— Передайте тому, кто вас послал, — я встала. Шелк «Покровов» соскользнул с плеча, обнажая ключицу. — Что я верну долг лично. Как только закончу смену. Театр — частная территория. Нарушение контракта карается неустойкой.

Коллектор склонил голову набок. Уголки его отсутствующего рта дернулись вверх в жуткой пародии на улыбку.

— Девочка играет в придворные игры. Долг крови не ждет премьеры.

Он щелкнул пальцами.

Воздух в гримерной стал твердым. Осколок разбитого кем-то зеркала взлетел с пола, превращаясь в десяток вращающихся лезвий, нацеленных мне в горло.

И тогда раздался второй звук.

Не треск магии. Низкий, утробный рык, от которого задрожали стекла в высоких окнах зрительного зала. Рык зверя, охраняющего свою территорию.

Температура в помещении упала настолько стремительно, что выдох Майи обратился в облако инея. Малиновая портьера позади фантома пошла трещинами, покрываясь толстой коркой льда.

Из теней за кулисой выступила фигура. На этот раз настоящая. Плотная, живая, заслоняющая собой весь проход. Лорд Кайрен Вейн сбросил человеческую личину частично. Человеческий облик остался маской, но сквозь кожу на скулах и шее проступал черный обсидиан чешуи, а глаза полыхали расплавленным золотом.

— Вы просрочили вызов, — пророкотал принц-изгнанник, делая шаг вперед. Зал сжался до размеров спичечного коробка. — Эта танцовщица принадлежит моему двору. Любой, кто заберет ее раньше срока исполнения контракта, ответит передо мной. А мои суды, господа пустотники, славятся отсутствием апелляций.

Фантом-Коллектор повернулся к нему. Впервые в его лишенном черт лице проявилось нечто похожее на неуверенность. Древние боялись драконов не за огонь. Они боялись их за право переписывать реальность одним желанием.

— Он мятежник, — прошелестел Коллектор. — У него нет власти вне изгнания.

— Зато у меня есть зубы, — оскалился Кайрен. Клыки вытянулись, касаясь нижней губы. — И очень скверный характер. Забирайте режиссера, он вам должен за прошлогоднюю грозу. Девушку оставьте.

Золотой луч сорвался с кончиков пальцев принца. Он не был горячим. Напротив, он состоял из чистого, структурированного времени. Луч ударил в лезвия, летящие в меня. Заморозил их в воздухе. А затем стекло начало плавиться, стекая на доски янтарными каплями.

— Вторая попытка, — любезно предложил Кайрен. — Или мне попросить брата прислать вам официальное приглашение на ужин? Говорят, Визирь сейчас крайне недоволен текучкой кадров в Департаменте.

Коллектор издал звук ломающегося сухого дерева. Фигура начала рассыпаться, истончаться, втягиваясь обратно в щели между мирами.

— Мы ведем учет, Дракон. Баланс будет взыскан.

Последние слова растворились в запахе озона. Вместе с гостем исчезли и замерзшие лезвия. В гримерной стало оглушительно тихо. Слышно было только тяжелое дыхание Майи и судорожные всхлипы Дюбуа, приходящего в себя на полу.

Кайрен тяжело выдохнул. Обсидиан на его лице таял, возвращая коже нормальный оттенок. Он выглядел уставшим. Очень, смертельно уставшим.

Он подошел ко мне вплотную. Взял за подбородок жесткими пальцами, заставляя поднять голову. Осмотрел мое лицо, задержав взгляд на бумажном пластыре на губе.

— Твой дебют состоялся раньше времени, — хрипло сказал он. — И аплодисменты были пыльными.

— Вы могли предупредить, что ваши враги используют магию вместо визитных карточек, — я не отвела взгляда. Хотя стоять так близко к нему, чувствовать жар его ярости, смешанный с остаточным льдом битвы, было почти больно. — Моя страховка жизни покрывает только падение с высоты. Нападение агентов Судьбы требует доплаты.

Уголок его рта дрогнул. Первый признак настоящей эмоции за сегодня.

— Считай это бонусом к контракту, Арден. Бесплатная защита включена.

В коридоре затопали сапоги — прибежала охрана театра, привлеченная шумом и внезапным морозом. Впереди бежал сам хозяин заведения, прижимая к груди гроссбух.

Кайрен отпустил мой подбородок. Сделал шаг назад, вновь становясь неприступным лордом.

— Продолжайте репетицию, госпожа прима, — бросил он Дюбуа, который все еще пытался совместить в сознании дракона и дебет с кредитом. — Ваша сцена смерти должна быть безупречной. Император любит совершенство. Особенно когда оно падает к его ногам.

Принц развернулся и пошел прочь из гримерной, оставляя за собой тонкий слой инея на паркете и совершенно разрушенную нервную систему всей труппы.

Майя осторожно пошевелила пальцем застывшую лужицу воды у своих ног.

— Знаешь, Элара, — тихо сказала она. — Я начинаю думать, что работать на старых похотливых баронов было гораздо безопаснее. По крайней мере, они обычно умирают первыми.

Я подошла к зеркалу, поправила съехавший набок костюм «Семи Покровов» и натянула на лицо профессиональную, сияющую улыбку. До выхода на сцену оставалось четыре минуты.

Революция подождет. Сейчас мне предстояло соблазнять толпу людей, чьи кошельки оплачивали будущую войну. Войну, в которой я внезапно стала главным оружием одной из сторон.

Глава 4

«Танец Семи Покровов» — это не искусство. Это юридически оформленная провокация, замаскированная под культурное наследие Юга.

Суть проста: танцовщица выходит в семи слоях тончайшего газа и снимает их один за другим под тягучую музыку флейт, пока на ней не остается лишь пыльца светящихся мотыльков и наглость. В приличном обществе это называют «аллегорией чистоты души». В кабаках Нижнего города — просто вторником.

Но сегодня вечером зал Небесного Амфитеатра был далек от кабака. Партер сиял лысинами министров, орденами генералов и бриллиантами жен послов. Я стояла в кулисе, чувствуя, как сквозняк из-под купола холодит кожу, покрытую специальным маслом. Мое тело было натянутой струной.

Рядом со мной тяжело дышала Майя. Она играла роль моей «тени» — девушки, которая выносит реквизит.

— Третий ярус, ложа над оркестром, — прошептала она одними губами, поправляя складки моего первого, самого плотного покрывала. — Видишь старика с бакенбардами? Синий камзол. У него под фалдами пистоль. Если ты споткнешься на четвертом покрое, он выстрелит. На всякий случай.

— Какая трогательная забота о моем моральном облике, — так же беззвучно ответила я. Мой взгляд метнулся по залу. Ложа Императора находилась прямо напротив, утопая в полумраке. Самого правителя видно не было — только золотой отблеск короны да массивные фигуры преторианцев-телохранителей. Но я чувствовала его присутствие. Оно давило на грудь свинцовой плитой.

Ударил гонг. Низкий, вибрирующий звук заставил хрустальную люстру под потолком тихонько зазвенеть.

Мой выход.

Я шагнула в слепящий круг света.

Музыка вступила медленно, словно просыпающийся зверь. Барабаны били ритм сердца — *тук-тук, тук-тук*. Только мое сердце билось в два раза быстрее.

Первый покров упал к ногам черной волной. Толпа выдохнула. Для них я была просто красивой куклой, мясом на витрине Империи. Они видели изгиб бедра, но не видели ледяной панцирь под кожей, который защищал меня от взглядов Коллекторов, наверняка сидящих где-то здесь, в толпе.

Второй слой. Третий. Ритм ускорялся. Флейты плакали, рассказывая историю плененной птицы.

Я двигалась механически, вспоминая утреннюю крышу. *Бум. Бум.* Сердце дракона. Я вплетала этот рокот в свои движения. Каждый удар стопы о сцену отдавался едва уловимым морозным звоном, который слышали только те, кто умел слушать магию. Публика списывала это на акустику зала.

Четвертый покров скользнул вниз. Я осталась в полупрозрачных шароварах и лифе, расшитом речным жемчугом. Свет рампы преломлялся в нем, создавая иллюзию обнаженного тела, хотя между кожей и зрителем все еще оставалась преграда.

И тогда я нашла его глазами.

Кайрен сидел во втором ряду партера, чуть левее центра. Место для почетных гостей, которое невозможно купить за деньги. Он выглядел скучающим аристократом, лениво обмахивающимся веером программки. Рядом с ним сидела графиня де Моро — женщина настолько бледная и увешанная изумрудами, что напоминала ожившую погребальную статую.

Наши взгляды встретились на долю секунды, когда я совершила поворот.

Веер Кайрена замер. Графиня продолжала улыбаться пустому пространству слева от нее, не подозревая, что ее спутник сейчас мысленно ломает кому-то позвоночник.

В глазах принца не было похоти собственника. Там было холодное, расчетливое спокойствие хищника, оценивающего расстояние до жертвы. Он смотрел не на мою обнаженную спину. Он сканировал ряды позади меня. Искал угрозу.

Пятый покров. Музыка достигла крещендо. Теперь барабаны гремели так, что вибрировали зубы.

Это был момент риска. Здесь требовалось подойти к самому краю сцены, опуститься на колени и позволить ткани стечь с рук, открываясь Императору полностью.

Я сделала шаг вперед. Деревянные доски сцены были теплыми — осветители перестарались. Но там, где моя босая нога касалась пола, дерево начало покрываться серебристым инеем. Тонким, почти невидимым слоем. Моя визитная карточка.

Шестой покров. Зал затаил дыхание. Тысячи глаз пожирали меня. Я чувствовала липкие, тяжелые взгляды мужчин и завистливые уколы женщин. Воздух пах потом, духами и напряжением.

Именно в эту секунду я увидела движение в тени императорской ложи.

Там, среди золотых доспехов гвардии, воздух дрожал иначе. Не от жары софитов. От разложения реальности. Один из гвардейцев… нет. Гвардеец стоял рядом, а сквозь него *смотрел* фантом. Тот самый Коллектор с лицом из пепла. Его фиолетовые провалы-глаза смотрели прямо на меня поверх плеча Императора.

Баланс будет взыскан.

Они решили не ждать финала. Если я умру сейчас, танец прервется, переворот Кайрена сорвется из-за отсутствия прецедента, а Император вздохнет спокойно.

Время замедлилось. Барабаны превратились в глухие удары собственного пульса в ушах.

Я позволила шестому покрову упасть. Остался последний, седьмой газовый шелк — паутинка, приклеенная к коже медом. По сценарию я должна была сделать вдох, закрыть глаза и рухнуть в притворный обморок, после чего выбегают слуги с плащами.

Вместо этого я сделала то, чему училась три месяца на крыше колокольни. То, ради чего Кайрен вбивал в меня ритм своего сердца.

Я перестала танцевать для людей.

Я начала танцевать для пространства.

Седьмой покров остался на моих плечах. Я резко вскинула руки вверх, ладонями к куполу. И ударила каблуком в пол.

Это не был обычный удар танцовщицы. Это был импульс магии Арден, синхронизированный с ударом драконьего пульса, который жил теперь внутри моей крови.

Бум.

По сцене пошла трещина. Не глубокая — тонкая, как волос, линия изморози, расколовшая мраморные плиты от моих ног до самого края авансцены.

Воздух в зале мгновенно замерз. Дышать стало больно. Золотые канделябры покрылись толстой коркой льда прежде, чем зрители успели понять, что происходит.

Десять тысяч человек одновременно вдохнули холодный воздух. Их легкие обожгло. Началась паника. Кто-то в партере закричал, хватаясь за горло. Графиня де Моро завизжала, размазывая дорогую пудру по лицу.

Но я не смотрела на толпу. Я смотрела на императорскую ложу.

Фантом-Коллектор материализовался полностью. Законы физики больше не скрывали его. Он возвышался над охраной, черный и угловатый, протягивая руку к сердцу Императора — древнему артефакту «Сердце Дракона», висевшему на груди старика. Магия Шрама хотела поглотить источник власти.

Император хрипел, синея лицом. Телохранители пытались достать врага мечами, но клинки проходили сквозь дым.

А затем раздался рев.

Он не принадлежал человеку. Крыша Амфитеатра содрогнулась. Стекла в верхних ярусах брызнули внутрь серебряным дождем.

Огненная тень затмила последние лучи заходящего солнца, бьющие в купол.

Кайрен приземлился прямо в центре императорской ложи.

Человеческая маска исчезла без следа. Огромный, сотканный из ночи и первобытной ярости, он заполнил собой все пространство балкона. Одним движением лапы он смел пятерых преторианцев вместе с золотыми перилами.

Коллектор обернулся. Его бесформенный рот открылся в беззвучном крике. Он понял свою ошибку слишком поздно. Театр был территорией искусства, местом высоких эмоций. А место, где дракон защищает свое — будь то трон или танцовщица на сцене — становится его логовом. Здесь законы Равновесия пасовали перед правом сильного.

Кайрен не стал плевать огнем. Огонь убивает быстро. Он выдохнул облако концентрированного времени — того самого ритма, под который мы танцевали утром. Пурпурно-черная субстанция окутала фантома.

Для нас прошла секунда. Для Коллектора — вечность распада. Его сущность начала рассыпаться прахом, который тут же превращался в тусклые серые кристаллы и падал на бархат кресел.

В зале царила абсолютная тишина, прерываемая лишь звуком осыпающегося стекла и треском льда. Десять тысяч человек смотрели на монстра, стоящего над телом Императора. Древний ужас вернулся в мир.

Кайрен проигнорировал застывшего старика на троне. Он даже не взглянул на Корону.

Его голова повернулась. Обсидиановая морда с горящими золотом глазами опустилась ниже уровня балкона, оказавшись вровень со сценой.

Он посмотрел на меня. Сквозь кровь, битву и разрушенную империю. Взгляд говорил яснее любых слов: *«Моя очередь вести»*.

Я глубоко вздохнула, выпуская облачко пара. Мед на коже остыл, седьмой покров превратился в хрупкую ледяную корку. Я наступила на него пяткой. Ткань с хрустальным звоном рассыпалась в пыль.

Оставшись абсолютно обнаженной в круге прожекторов, посреди замороженного ада, я подошла к самому краю сцены. Опустилась в низком, безупречно правильном придворном реверансе. Так кланяются только равному.

— Ваше Величество, — мой голос прозвенел в мертвой тишине огромного зала, усиленный эхом магии. — Представление окончено. Кажется, вам требуется новый начальник службы безопасности. Рекомендую кандидатуру моего партнера.

Где-то в задних рядах кто-то из младших дворян истерично рассмеялся. За ним второй. Через минуту смеялся весь зал — нервно, взахлеб, освобождаясь от шока. Потому что люди всегда смеются, глядя в лицо концу света, чтобы не сойти с ума окончательно.

Кайрен издал звук, похожий на скрежет камней. В ментальном пространстве это звучало как довольное рычание.

Принц-изгнанник наклонился к уху перепуганного до мокрых штанов Императора. Что именно он шептал старику, никто не услышал, но лицо правителя позеленело, а рука сама собой потянулась к воротнику, пытаясь ослабить несуществующую удавку.

Революция заняла ровно сорок секунд. Без единой капли человеческой крови на паркете. Только горы пепла и разбитый хрусталь.

Я выпрямилась из реверанса. Подняла голову. Впервые за двадцать лет мне не нужно было прятать свой дар.

Лед сковал величайший театр континента. И королева этого холода стояла в самом центре, ожидая, когда чудовище спустится к ней, чтобы забрать обещанную плату.

Глава 5

Тронный зал Императорского дворца пах гарью, старым страхом и дешевым одеколоном министров.

Прошло ровно три часа с момента падения «Сердца Дракона». Старик-император заперся в своих покоях под предлогом «нервного истощения», оставив тронную залу на растерзание новой власти. Власть выглядела как лорд Кайрен Вейн, сидящий на ступенях перед пустым золотым креслом, и я — стоящая рядом с ведром горячей воды и тряпкой.

— Еще раз проведешь языком по клыкам при Верховном Судье, и наш политический союз закончится, не начавшись, — процедила я, отжимая ветошь. Капли кипятка падали на мраморный пол с тихим шипением. — Нам нужно, чтобы они подписали Акт о Регентстве до полуночи, а не писали памфлеты о том, что у регента текут слюни при виде плоти.

Кайрен фыркнул. Он снова был в человеческом обличье, но драконья сущность просачивалась сквозь поры: кожа сохраняла пепельный оттенок, а зрачки никак не хотели сужаться до обычных черных точек, оставаясь вертикальными щелями в золотой зелени. Перед ним на низком столике стояла гора бумаг, перьевая ручка была безнадежно сломана — принц слишком сильно сжал ее пальцами.

— Верховный Судья боится меня больше, чем любил Императора, — он потер переносицу, оставляя на лице след чернил. — Я чувствую его запах из коридора. От него несет заста-

релой мочой и преданностью тому, кто сильнее. Подпишет. Вопрос лишь в том, сколько шелковых платков нам придется сжечь после его ухода, чтобы убрать вонь трусости.

Я подошла ближе, перешагивая через осколки витража, которые еще не успели вымести слуги. Опустилась на колени позади его кресла. Мои руки легли на каменные плечи принца. Он был горячим, словно только что вышел из кузнечного горна. Постоянная трансформация сжигала калории быстрее, чем бег галопом.

— Расслабься, — прошептала я ему на ухо, начиная разминать напряженные узлы мышц у основания шеи. — Если ты сожжешь эту комнату, тебе негде будет подписывать указы. А спать в руинах Пика Воронов холодно даже драконам.

Его плечи дрогнули под моими ладонями, сначала сопротивляясь, а затем оседая. Голова чуть наклонилась вперед, подставляя шею.

— Ты командуешь регентом Империи, танцовщица, — голос его стал тише, вибрируя глубоко в груди. — Это попахивает государственной изменой.

— Это попахивает здравым смыслом, — я нажала пальцем на точку у седьмого позвонка. Кайрен тихо, гортанно рыкнул — звук, который заставил бы описаться любого генерала за дверью, но для меня он звучал почти мурлыканьем. — Кто-то должен следить за твоими манерами, пока ты строишь новый мир. Советники хотят казнить половину Сената. Графиня де Моро пыталась отравить твой чай лимонным конфитюром — бедняжка думала, что драконы боятся цитрусовых. А казначей спрятал золото короны в гробу своей тещи.

Я обошла кресло и села на широкий подлокотник, заглядывая в бумаги.

— Дай сюда. Указ номер сорок два. О национализации шахт. Слово «конфискация» звучит угрожающе. Замени на «добровольное возвращение активов народу под защитой Короны». Они сами принесут ключи, если будут думать, что это их идея.

Кайрен поднял на меня взгляд. Вертикальные зрачки расширились, поглощая свет ламп. Впервые за эти безумные сутки в них не было ни тени высокомерия изгнанника, ни ярости зверя. Там было чистое, незамутненное изумление.

— Где тебя этому научили? — спросил он. — В канаве Нижнего города или в постели старого герцога?

— В библиотеке моей матери, — пальцы замерли на мгновение. — Она считала, что лед убивает тело, но слова убивают империи. Умение правильно составить документ спасло бы ей жизнь эффективнее, чем любая магия крови. Закончи подпись. Чернила сохнут.

Он склонился над столом. Его росчерк внизу листа напоминал удар молнии — резкий, ломаный, абсолютно незаконный с точки зрения классической каллиграфии. Но печать Департамента Тайных Дел, которую он небрежно припечатал сбоку, делала документ безупречным.

Двери зала распахнулись без стука. На пороге возник Майя, одетая теперь в ливрею дворецкого — слишком большую для нее, закатанную в рукавах. Вид у нее был взъерошенный, но деловой.

— Ваше Темнейшество, — бодро отрапортовала она, делая неуклюжий поклон. — Прибыл портной. Тот самый, который одевает покойников в последний путь. Говорит, черный бар-

хат закончился, есть только фиолетовый. Фиолетовый вам идет, кстати, подчеркивает желтизну глаз. Принимать?

— Зови, — кивнул Кайрен, даже не обернувшись. — И пусть захватит образцы кожи. Мне нужны новые сапоги. Старые треснули при посадке.

Майя исчезла, напоследок скорчив мне рожу за спиной регента. Я подавила улыбку. Моя подруга наслаждалась хаосом куда больше, чем я. Для нее падение Империи было лучшим театральным сезоном за десятилетие.

В коридоре послышались шаркающие шаги и тяжелый вздох человека, чья жизнь только что потеряла всякую ценность. Верховный Судья вошел в зал, поддерживаемый двумя бледными секретарями. Его парик съехал набок, а кружевное жабо дрожало в такт пульсу.

Судья рухнул в поклоне так низко, что едва не протер носом ковер.
— Р-р-регент… ваше высочество… какая честь… трагедия…

— Встаньте, мэтр Гаспар, — мой голос прозвучал мягко, но властно. Я спустилась с подлокотника, прегражда собой обзор принцу. Пусть думают, что кукловод стоит впереди. — Император чувствует себя лучше. Мы просто помогаем ему нести бремя власти, пока медики колдуют над его давлением. Вы принесли документы о передаче временной исполнительной власти?

Гаспар затряс головой, роясь в складках мантии трясущимися руками. Секретари положили передо мной стопку бумаг. Верхний лист украшала огромная государственная печать.

— Все согласно протоколам смуты… то есть, преемственности, — пролепетал судья, глядя на меня снизу вверх глазами побитой собаки. — Ваша подпись здесь… и здесь… как официального свидетеля и гаранта стабильности трона.

Я взяла перо. Обмакнула в чернильницу. Посмотрела поверх голов секретарей прямо в глаза Кайрену, который наблюдал за мной из-за моего плеча. В его взгляде плясали насмешливые искры. *«Ну же, моя королева льда. Покажи им класс»*.

Я расписалась четким, уверенным почерком Элары Арден. Буквы ложились ровно, без малейшего намека на дрожь.
Затем я добавила маленькую завитушку в конце фамилии — ту самую, которой учила мать, чтобы отличать подлинник от подделки.

— Мэтр Гаспар, — сказала я, откладывая перо. Вода в стакане на столе судьи покрылась тонкой корочкой льда — температура в зале упала на пару градусов от напряжения. — Не забудьте передать графине де Моро мое приглашение на завтрашний ужин. Хочу обсудить с ней фасоны траурных платьев. Кажется, изумруды очень идут к мертвенно-бледному оттенку лица.

Судья сглотнул. Его кадык дернулся.
— Б-будет исполнено, госпожа свидетельница.

Когда делегация Верховного Суда пятилась задом к выходу, роняя листы мандатов, Кайрен наконец позволил себе расслабиться. Он запрокинул голову и рассмеялся. Громко, раскатисто, эхом отражаясь от золоченых сводов. Смех дракона, получившего игрушку, о которой боялся просить.

— Свидетельница, — выдохнул он, поворачиваясь ко мне и притягивая за талию обратно на подлокотник. Теперь мы были одного роста. — Из уличной девки в серые кардиналы за один вечер. Впечатляющая карьера.

— Я все еще твоя прима, — напомнила я, упираясь ладонью ему в грудь. Кожа там была обжигающе горячей. — И завтра вечером мы идем в оперу. Тебе нужно учиться хлопать в такт, а не жевать соседей по ложе. Иначе аристократия решит, что нами можно манипулировать.

Его рука скользнула ниже, по изгибу спины, уверенно и собственнически. Никакой нежности хищника, играющего с добычей. Только жесткая хватка партнера по танцу, который знает, что следующий па может стоить им обоим головы.

— Как прикажете, госпожа хореограф, — его губы оказались в дюйме от моих. Воздух между нами нагрелся, плавя остатки утреннего льда. — Но предупреждаю: мои аплодисменты всегда заканчиваются пожаром.

— Тогда купи лучшие места, — прошептала я, закрывая расстояние. — В первом ряду. Чтобы никто случайно не сгорел вместе со зданием.

За окнами дворца начиналась новая зима. Первая зима правления мятежного дракона и его танцующей королевы. И этот холод впервые за долгие годы обещал быть безопасным для тех, кто умел держать ритм.

Глава 6

Императорская Опера пахла иначе, чем «Черная Лилия». Здесь вместо дешевого свечного сала и пота воняло амбициями, тальком и застарелыми интригами.

Мы сидели в ложе номер один — золотой коробке, висящей над оркестровой ямой, откуда открывался вид на весь партер. Кайрен ненавидел это место. Я чувствовала это по тому, как напряжена его спина под тонким сукном фрака, сшитого тем самым портным-фаталистом сегодня утром.

— Если ты сломаешь ножку кресла, нам придется выкупить всю ложу целиком, чтобы скрыть ущерб от казначея, — тихо заметила я, обмахиваясь веером из черных перьев. Веер был подарком регента: костяные пластины оправлены в обсидиан. — Постарайся выглядеть скучающим. Аристократы считают скуку признаком власти.

— Скука убивает меня быстрее стали, — процедил он сквозь приклеенную светскую улыбку. Его глаза сканировали зал. Золотые вертикали зрачков то сужались, то расширялись, реагируя на всплески чужих эмоций внизу. — Посмотри туда. Третий ярус, сектор Д. Сенатор Валериус чешет левую ладонь каждый раз, когда смотрит на тебя. У него там спрятан пузырек с кислотой. Хочет испортить платье, если ты затмишь его жену.

Я проследила за взглядом. Пузатый человечек действительно скреб ногтями кожу, не отрывая глаз от нашей ложи. На его коленях лежала программка, но пальцы отбивали дробь, выдающую крайнюю степень нервозности.

— Кислота испортит шелк, — согласилась я лениво. — Но она же расплавит ему сапоги, когда кислота стечет вниз по складкам. Физика сцены беспощадна, милорд. Пусть чешет. Это добавляет ему задумчивости.

Раздался третий звонок. Газовые люстры под потолком начали медленно гаснуть, погружая огромный зал в бархатный полумрак. Остались гореть лишь рампа да свечи на пюпитрах музыкантов.

Занавес поднялся.

Давали «Ледяную Розу» — трагическую историю о северной принцессе, чья любовь растопила вечную мерзлоту ценой собственной жизни. Поэтическая метафора была настолько толстой, что ее можно было вешать на стену вместо ковра. Императорский двор обожал эту пьесу за предсказуемость финала.

Главную роль играла Селеста — бывшая прима театра, которую мы сместили три дня назад. Сегодня вечером она должна была блистать перед новой властью, надеясь вернуть себе контракт.

Селеста выплыла на сцену в облаке серебряной органзы. Ее голос дрожал от непролитых слез — актриса искренне считала, что нас сослали в рудники, а не переселили в гостевое крыло дворца с охраной.

Она запела арию замерзания. Высокая, чистая нота повисла в воздухе.

И тогда я позволила своему дару ответить ей.

Это не было демонстрацией силы. Скорее вежливым кивком. Температура в нашей ложе начала падать незаметно для окружающих. Сначала просто стало свежо. Затем пар изо рта актеров на сцене стал чуть гуще. Кристаллики льда тонкой паутинкой осели на тяжелых бархатных портьерах ложи напротив.

Партер замер. Зрители перестали шуршать веерами. Голос Селесты внезапно показался всем божественным — акустика холодного воздуха творит чудеса с вокалом. Люди физически ощутили мороз истории на своих щеках.

Кайрен рядом со мной перестал дышать. Он смотрел не на актрису. Он смотрел на мои руки, покоящиеся на бархатном бортике ложи. Мои пальцы были расслаблены, но дерево под ними начало покрываться глубоким инеем. Я не управляла этим сознательно. Мой дар реагировал на музыку так же естественно, как легкие — на воздух. Танец вошел в кровь навсегда.

— Великая Матерь, — выдохнул принц, наклонившись к самому моему уху. Его горячее дыхание контрастировало с ледяным воздухом вокруг. — Ты сейчас заморозишь их всех прямо в креслах. Они умрут счастливыми, но завтра у нас будет дефицит налогоплательщиков.

— Не преувеличивай, — шепнула я в ответ, не поворачивая головы. — Я держу контур только внутри нашего сектора. И потом… посмотри на них.

Я кивнула подбородком в сторону зала.

Сенатор Валериус забыл про свою кислоту. Слезы текли по его жирным щекам, застывая льдинками в бороде. Суровый генерал с Железных островов теребил воротник, пытаясь вдохнуть ставший колким воздух. Весь цвет Империи сидел, околдованный первобытным холодом севера, которого они никогда не видели воочию.

— Они боятся магии, Кайрен, — продолжила я, пока Селеста брала финальную ноту, от которой, казалось, задрожали хрустальные подвески люстр. — Они ждут зеленого пламени, демонов из разломов и кровавых дождей. А я дала им сказку. Безопасную, красивую смерть. Теперь они будут думать, что твоя зима — это не конец света, а просто очень суровая зима. Искусство — лучшая пропаганда.

Арфистка в оркестре дернула струну слишком сильно. Та лопнула с резким щелчком, похожим на выстрел. Иллюзия дрогнула. Холод отступил на долю градуса, возвращая залу нормальную температуру. Селеста взяла неверную ноту, сорвавшись на постыдный писк. Магия рассыпалась.

По залу прокатился вздох разочарования, сменяющийся кашлем — люди снова могли дышать нормально. Генерал схватился за сердце. Валериус начал ожесточенно креститься.

— Твоя взяла, — усмехнулся Кайрен. Он положил свою руку поверх моей на бортике ложи. Там, где наши пальцы соприкоснулись, лед мгновенно растаял, оставив лишь влажное пятно на красном дереве. Жар его тела был почти болезненным после этого холода. — Но портной выставит мне счет за испорченный влагой бархат соседних лож. Подпишешь указ о выделении средств?

— Только если ты перестанешь ломать реквизит зубами, — я наконец повернулась к нему лицом. В полумраке ложи его черты казались высеченными из камня. Золото глаз больше не пугало; оно стало привычным ориентиром. — Как прошел обед с Верховным Судьей? Он все еще страдает расстройством желудка после подписания актов?

— Перешел на одну воду, — Кайрен притянул меня ближе, заставляя встать между своими коленями. Сквозь тонкую ткань моего вечернего платья я ощущала жар раскаленных печей его внутреннего зверя. — Элара… То, что ты сделала сегодня…

— Укротила толпу без единого трупа? — подсказала я, кладя ладони ему на плечи. Ткань фрака была теплой, но начинала нагреваться дальше.

— Показала им силу, которая не требует разрушений, — серьезно сказал он. Его рука скользнула вверх по моей обнаженной спине, оставляя дорожки мурашек. — Моя магия — это таран. Твоя — это клетка, в которую заходят добровольно. Мы опасны друг для друга. Если я потеряю контроль, ты станешь льдом, который меня погасит. Если ты вспыхнешь страхом, я сожгу твой мир дотла, защищая тебя.

— Значит, будем держать баланс, — я провела пальцем по жесткой линии его челюсти, там, где кожа переходила в скрытую чешую. — Ты будешь моим пожаром, Кайрен. А я — твоим северным ветром. Главное — не стоять против ветра.

Он издал низкий, вибрирующий звук в глубине груди. Обсидиановые когти — которые он даже не заметил, как выпустил — осторожно, едва касаясь, прочертили полосы на спинке моего платья, не задевая кожи.

— Выходи за меня замуж, — сказал он буднично, словно предлагал десерт. — Официально. Завтра. Я уже приказал переделать трон. Спинка слишком прямая, у тебя через час начнется мигрень. Нам нужен совместный престол.

Я моргнула. Где-то внизу Селеста рыдала над телом своего ледяного возлюбленного, вызывая бурные аплодисменты.

— Милорд, — протянула я, стараясь сохранить невозмутимость. — Вы пытаетесь купить танцовщицу кольцом короны? Это дурной тон.

— Я пытаюсь привязать стихийное бедствие к государственной печати, — хмыкнул он. — Иначе ты однажды улетишь обратно в свой Кривой переулок, а мне придется жечь города, чтобы найти след твоей крови. Кроме того… — его голос снова стал низким, опасным. — Мне нужен наследник, который сможет пережить мое огненное зачатие. Думаю, смесь льда и пламени даст отличный результат.

Его губы нашли мои. Это не был нежный поцелуй придворного. Это был захват территории. Жадный, горячий, утверждающий права собственности лучше любого указа. За нашими спинами взорвались аплодисменты — финал оперы зрители встретили стоя.

Кайрен оторвался от меня лишь когда публика начала расходиться. Его волосы были слегка растрепаны, а галстук ослаблен.

— Так какой ответ, госпожа Арден-Вейн? — спросил он, поправляя кружево на моем декольте собственническим жестом.

Я посмотрела в зеркало трюмо, встроенное в стену ложи. Рядом с его мрачной красотой мое лицо выглядело слишком обычным, если бы не глаза — теперь в них навсегда поселились серебристые искры севера.

— Скажи портному, пусть готовит белое шелковое полотно, — ответила я, беря его под руку. — И предупреди Верховного Судью, чтобы не ел устриц на церемонии. От стресса у него всегда несварение, а смотреть на блюющего судью во время обмена клятвами — плохая примета для новой династии.

Мы вышли из ложи под слепящий свет коридорных ламп. Стража вытянулась по стойке смирно. Впереди маячил новый тронный зал, новые войны и старые призраки Равновесия, которые точно не оставят нас в покое.

Но впервые за мою жизнь холод внутри меня не был проклятием одиночества. Он был обещанием. Домом. Зимой, у которой есть свое собственное, самое надежное в мире солнце.

Глава 7. Белый шелк и черная чешуя

День свадьбы в Империи — это всегда государственный кризис, помноженный на истерику цветочников.

Солнце едва поднялось над пиками Железных гор, а дворец уже гудел растревоженным ульем. По мраморным коридорам сновали курьеры, роняя депеши, повара спорили о количестве ярусов у торта, а гвардейцы сбились с ног, пытаясь выставить оцепление против толпы аристократов, каждый из которых искренне верил, что именно его лицо должно украсить парадный портрет церемонии.

Я стояла посреди своих новых покоев — анфилады комнат размером с небольшое герцогство — и пыталась не смеяться.

— Если ты еще раз затянешь этот корсет, Майя, мои легкие останутся висеть на люстре, — выдохнула я, цепляясь за резной столбик балдахина.

Подруга, одетая по случаю в платье цвета слоновой кости (статус подружки невесты обязывал), уперлась коленом мне в поясницу и дернула шнуровку так, что перед глазами поплыли красные круги.

— Терпи, будущая королева, — пропыхтела она. — Это называется «благородная бледность». Если бы твой дракон любил полных женщин, мы бы просто надели на тебя чехол от дивана. Но он эстет. У него вкус убийцы. Значит, талии быть.

В дверь осторожно постучали. Не вошла, а именно просочилась внутрь графиня де Моро, ныне исполняющая обязанности старшей фрейлины. Ее лицо было белым под стать моему платью, но если мой цвет давал лед, то ее — близость к инфаркту.

— Ваше Величество… Элара… — она сделала сложный реверанс, балансируя стопкой бархатных коробок. — Прибыл дар от Его Высочества. Он сказал, это надевается после того, как гости напьются и начнут бить посуду.

Она открыла верхнюю коробку.

На черном бархате лежало ожерелье. Оно не имело оправы. Два десятка крупных, идеально ограненных рубинов парили в воздухе сами по себе, удерживаемые лишь тонкой вязью магического плетения. Камни пульсировали густым, багровым светом, словно капли свежей крови.

— Рубины Вейн, — прошептала Майя, забыв про шнурование. — Говорят, они растут только там, где драконья кровь упала на вулканическое стекло. Каждый камень стоит дороже моей родины.

— Это поводки, — мрачно заметила я, касаясь пальцем одного из камней. Он был обжигающе горячим. — Чтобы жена-ледышка не улетела слишком далеко во время брачной ночи. Практично.

— Это символ единства стихий, миледи, — пролепетала графиня, покрываясь испариной. — Регент просил передать, что красный — для страсти, а белый — для вашей чистоты. И что если вы швырнете ожерелье в окно, он начнет жечь кварталы торговцев до тех пор, пока ювелиры не соберут его заново.

— Какая романтика, — я вздохнула. — Передайте Его Высочеству, что я тронута. И что если он сожжет хотя бы одну лавку со сладостями, спать он будет на коврике у двери. Майя, застегивай. Мне нужно продержаться хотя бы до первой смены блюд, прежде чем рухнуть в голодный обморок.

***

Храм Двуликого был переполнен.

Тысячи свечей плавили воздух, смешивая запах ладана с ароматом сотен роз, которыми устлали проход. Я шла между рядами коленопреклоненной знати, опираясь на руку Верховного Судьи. Старик Гаспар дрожал так сильно, что казалось, его кости сейчас рассыплются трухой. Еще бы: вести к алтарю невесту, чей взгляд способен превратить вино в лед, — сомнительное удовольствие.

Кайрен ждал меня у черного алтаря.

Он отказался от традиционного белого камзола регента. На нем была простая черная военная форма без знаков различия, распахнутая на груди. Никаких корон, никаких мантий. Только тяжелый серебряный медальон на шее — знак регента — и собственная кожа, которая сегодня казалась почти человеческой. Почти. Потому что глаза выдавали его полностью: вертикальные щели зрачков пылали расплавленным золотом, игнорируя тусклый свет храма.

Когда наши руки встретились, зал ахнул.

Моя кожа была холодна как зимний ручей. Его — обжигала даже сквозь белую перчатку. Пар не поднялся, но воздух вокруг нас замер, создавая идеальный пузырь тишины посреди рыдающих труб органа. Мы были ошибкой природы. Соединением несоединимого. Ледяным шипом в сердце вулкана.

Верховный Судья начал читать слова клятвы тонким, блеющим голосом. Кайрен слушал вполуха, его большой палец медленно гладил тыльную сторону моей ладони, вызывая во мне совершенно неуместное желание рассмеяться прямо во время священного ритуала.

— …в богатстве и бедности, в болезни и здравии… — тянул судья.

— Скорее уж, в пепле и сугробах, — тихо шепнул мне на ухо Кайрен. От его дыхания по шее побежали мурашки. — Ты слева, я справа. Идеальный политический компас.

— Тебя воспитывали волки? — одними губами ответила я. — Шепчись тише, ты заставляешь епископа икать.

Судья действительно запнулся и громко икнул, глядя на дым, который внезапно пошел от рукава его новой праздничной ризы. Кажется, принц слегка перегрелся от нетерпения.

Наступил момент обмена кольцами.

Мое было выковано из цельного лунного камня — холодного, мерцающего изнутри серебром. Кольцо Кайрена представляло собой ободок из черной бронзы, теплый на ощупь.

Я надела кольцо на его палец. Обсидиановые когти, которые он так и не научился прятать до конца в моменты сильного волнения, царапнули по камню.

— С этим кольцом, — произнесла я официальную фразу, чувствуя, как внутри все сжимается от странного, первобытного восторга, — беру тебя…

Кайрен взял мою руку. Его хватка стала жесткой. Золотые глаза вспыхнули ярче свечей.

— …беру тебя, — пророкотал он, перекрывая голос судьи своим собственным, древним тембром. Магия дракона вплеталась в каждое слово, вбивая их в стены храма намертво. — Своей кровью, своей силой и своим именем. Да будет эта зима вечной для моих врагов.

Он поднял мое кольцо и легко, двумя пальцами, сжал золотой камень. Раздался тихий хруст. Песчинки лунного камня посыпались на черный мрамор пола, обнажая то, что было спрятано внутри ювелиром по его приказу.

Второй перстень. Простой, железный, покрытый рунами старой крови.

— А теперь настоящее, — сказал он уже обычным человеческим голосом, лукаво улыбнувшись растерянному судье. — То, которое нельзя разбить ни льдом, ни огнем.

Он надел железное кольцо на мой палец. Металл мгновенно нагрелся, сливаясь с температурой тела, и мягко засветился призрачным синим светом — цветом магии Арден.

Епископ, справившись с потрясением, поспешно закончил церемонию:

— …объявляю вас соединенными узами брака. Можете скрепить союз поцелуем.

Кайрен не стал ждать повторного приглашения.

Он развернул меня к себе властным движением, лишая всякого пространства для отступления. Его ладонь легла на мой затылок, запутавшись в выбившихся из прически локонах, вторая рука жестко зафиксировала талию.

Первый поцелуй мужа никогда не бывает нежным. Особенно если муж — хищник, три часа стоявший у алтаря и сдерживающий инстинкты.

Его губы накрыли мои жестоко, требовательно, выбивая дух. Это был акт маркировки территории. Он пил мое дыхание, пробовал на вкус мой страх и мое доверие, сплавляя их воедино. Я ответила ему тем же, вкладывая в поцелуй весь свой северный холод, позволяя льду скользнуть по его языку острыми иглами.

Где-то сзади с грохотом упал подсвечник. Кто-то из дам снова упал в обморок. Органист сыграл фальшивую ноту.

А мы целовались посреди разрушающегося порядка вещей, и мир сужался до точки соприкосновения наших губ. Он пытался сжечь меня. Я пыталась заморозить его. Но вместо гибели рождалось нечто третье — густой, плотный туман, окутывающий нас защитным коконом.

Когда он наконец отпустил меня, моя нижняя губа кровоточила, а его скула украсилась тонкими царапинами от моего льда. Идеально симметричные раны молодоженов.

— Напомни мне чаще ходить в церковь, — хрипло выдохнул Кайрен, не отрывая взгляда от моего лица. — Здесь отличная акустика для рычания.

Я стерла каплю крови с его щеки.

— Только попробуй зарычать на банкете, — предупредила я, поправляя кружевной воротник его рубашки. — Моя очередь вести следующий танец. И танцуют сегодня исключительно люди.

Мы вышли из Храма под звон всех колоколов Столицы. Народ, собравшийся на площади, взревел. Они пришли смотреть на монстра. Вместо этого они увидели Императора и Императрицу. Страшных. Неправильных. Невероятно живых.

Впереди нас ждал свадебный пир, послы семи держав, пытающиеся скрыть панику, и Верховные Коллекторы Равновесия, которые наверняка уже стояли у границ города, ожидая, когда аномалия уничтожит сама себя.

Но пока мы шли по красной ковровой дорожке, плечом к плечу, оставляя за собой тонкий слой инея на раскаленном солнцем мраморе, я знала одно: чтобы убить эту зиму, им придется сначала пройти через его пламя.

Глава 8. Десерт из пепла

Свадебный пир — это высшая форма дипломатического лицемерия.

Огромный Зал Тысячи Свечей сиял так ярко, что было больно глазам. Золото посуды спорило с блеском орденов на груди генералов, а запах жареного кабана смешивался с ароматом дорогих духов и едва уловимым привкусом страха. За главным столом, возвышающимся над морем гостей, мы сидели вчетвером: я, Кайрен, Майя (которую пришлось назначить «Хранительницей Свиной Ноги», чтобы оправдать ее присутствие рядом с монархами) и Верховный Судья Гаспар, чей цвет лица идеально гармонировал с его сиреневой мантией.

— Герцогиня де Кроули только что уронила веер, — тихо сообщила Майя, лениво ковыряя вилкой паштет. — Это значит, она хочет поговорить с тобой о налогах на шелк. Если ты улыбнешься ей шире, чем графине Восточных островов, начнется война домов прямо за салатным столом.

— Пусть начнут, — пробормотал Кайрен, не отрывая взгляда от генерала Бронна. Генерал потел. Он всегда начинал обильно потеть перед тем, как планировать мятеж. — Я прикажу засолить их трупы и отправить родственникам вместо деликатесов. Экономия на провизии для гвардии.

Я пнула его под столом ногой. Больно. Мои ступни все еще были босыми под пышными юбками — туфельки я сбросила час назад, когда поняла, что танцевать менуэт на каблуках после трех бокалов ледяного игристого вина невозможно.

— Милый, — пропела я, накладывая себе спаржу и одновременно покрывая свою тарелку тонкой корочкой инея, — если ты начнешь есть аристократию, казначей скажет, что мясо слишком жесткое, а кости портят канализацию. Будь хорошим мальчиком. Улыбнись послу Юга.

Кайрен повернул голову. Его губы растянулись в улыбке, которая заставила бы демонов Преисподней проверить свои контракты на ошибки. Посол Юга, евший виноград, подавился косточкой и начал синеть. Принц удовлетворенно хмыкнул и вернулся к своей тарелке.

— Видишь? — сказал он мне. — Дипломатия работает. Теперь он знает свое место.

В этот момент музыка стихла. Не плавно, а разом, словно невидимый дирижер перерезал горло всему оркестру.

Разговоры оборвались. Звон ножей прекратился. В звенящей тишине был слышен только треск свечей и тяжелое дыхание Верховного Судьи, который решил, что пришел его черед сердечного приступа.

Гости расступились, образуя живой коридор от огромных дверей зала до нашего помоста. По этому коридору шла женщина.

Она была одета в серое сукно простого кроя — одежда безликих чиновников Департамента Равновесия. Капюшона не было. Ее лицо состояло из правильных, но абсолютно пустых черт, будто бог лепил человека по памяти, забыв детали. Но самым страшным были ее глаза — те самые фиолетовые провалы Коллектора, которые я видела в театре.

Майя медленно сползла со стула вниз, прячась под скатертью. Умная девочка.

Женщина остановилась в десяти шагах от стола. Поклонилась. Движение было механическим, ломаным.

— Императрица Элара Арден-Вейн, — прошелестело в тишине. Звук не принадлежал человеческому горлу. — И Регент Кайрен. Баланс приветствует вас. Мы пришли получить долг крови.

Кайрен замер. Я почувствовала, как воздух вокруг него начинает дрожать от жара. Чешуя проступала на его скулах быстрее, чем обычно. Одно неверное движение, и зал превратится в крематорий.

— Долг закрыт подписанием актов преемственности, — мой голос прозвучал неожиданно громко в мертвой тишине. Я положила ладонь на бедро мужа. Под тонким сукном мышцы были твердыми, как камень, готовые взорваться движением. — Вы получили Империю. Оставьте нас в покое.

Коллектор покачала головой. От этого движения ее шея хрустнула, как сухое дерево.

— Кровь Арден принадлежит Пустоте. Магия Истока должна быть стерта, чтобы ткань реальности не истончилась. Императорский титул не является залогом. Нам нужна *ты*.

Она подняла руку. На кончиках ее пальцев затанцевали черные искры Шрама. Воздух пошел трещинами. Один из лакеев, стоявших у стены, беззвучно рассыпался в серый песок — просто исчез, стерт ластиком из бытия.

Гости закричали. Началась давка. Люди ринулись к дверям, топча друг друга, опрокидывая столы. Золотые канделябры падали, разбрасывая горящий воск.

— Как невежливо, — процедил Кайрен сквозь зубы. Он встал. Фрак треснул на спине — крылья пытались вырваться наружу. — Моя жена ест десерт.

Он щелкнул пальцами.

Это не был звук дерева или плоти. Это был звук разряжающейся молнии. Весь огонь в зале — сотни свечей, факелы на стенах, даже пламя в гигантском очаге — погас мгновенно. Погруженный во тьму зал озарился лишь одним светом. Багровым огнем драконьих глаз, парящих во мраке.

— А теперь будет моя очередь, — рыкнул принц-изгнанник.

Но Коллектор смотрела не на него. Она смотрела на меня. Сквозь страх, сквозь хаос паникующей толпы, ее взгляд был прикован к моим рукам.

И я поняла. Они не боялись дракона. Драконы — часть старого мира, понятная сила. Они боялись того, что дракон пытался защитить. Аномалию. Лед, рожденный в крови огня.

Я встала. Стул с грохотом упал назад.

— Майя! — крикнула я в темноту. — Бутылку шампанского! Самую холодную!

Из-под стола показалась рука Майи. Она протянула мне запотевшую стеклянную бутылку дорогого брюта. Пробка уже была чуть скручена.

— Выходи, Элара, — позвал Коллектор. Голос звучал сразу отовсюду. — Станцуй свой последний танец. Для Великой Пустоты.

Я посмотрела на Кайрена. Он стоял между мной и врагом, огромный, черный силуэт в темноте, готовый умереть здесь и сейчас, разрывая реальность когтями.

— Отойди, — сказала я ему.

— Нет.

— Кайрен. Это приказ твоей королевы. — Я вложила в голос всю сталь Северного Ветра. — Мне нужно три шага пространства. Жарь их потом, сколько влезет. Сейчас — дай мне подойти.

Он зарычал. Низко, протестующе. Но послушался. Огромная фигура сместилась вправо, открывая проход.

Я вышла из-за стола. Шелк платья цеплялся за обломки мебели. Я сделала первый шаг навстречу Коллектору. Пол под ногами покрылся толстым слоем льда.

Второй шаг. Ледяные узоры поползли по мраморным плитам, замораживая упавшие свечи вместе с фитилями.

Третий шаг. Я стояла прямо перед ней. Ростом Коллектор превосходила меня на голову, но сейчас она казалась меньше. Словно бездна испугалась собственного отражения.

— Ты хочешь мою кровь? — спросила я, глядя в фиолетовую пустоту ее глаз. — Забирай.

Я схватила бутылку шампанского, которую держала Майя, и с силой ударила ее об угол ближайшего столика. Осколки брызнули во все стороны.

Но вместо золотистых брызг вина из разбитого горлышка рванул столб концентрированного холода. Замерзшее шампанское внутри создало сверхдавление жидкого азота.

Ледяная игла толщиной с копье выстрелила вперед.

Я направила ее не магией — простым, диким отчаянием уличной танцовщицы, которой нечего терять. Вся боль моей матери, весь страх Кривого переулка, вся ярость женщины, нашедшей наконец дом, вошли в этот удар.

Игла вонзилась точно в центр груди Коллектора.

Фиолетовое свечение вспыхнуло ослепительным белым светом. Тело жнеца начало кристаллизоваться изнутри. Черные нити распада обратились в стекло. Женщина открыла рот в беззвучном крике, но оттуда посыпался не пепел, а мелкая алмазная пыль.

Спустя секунду статуя из черного льда рухнула на пол с оглушительным звоном, рассыпавшись на тысячу осколков.

Тишина длилась ровно один удар сердца.

А затем грянул рев.

Не человеческий. Драконьер победный клич, полный такого первобытного торжества и ужаса, что оставшиеся в живых аристократы попадали на колени.

Кайрен сгреб меня в охапку, прижимая к чешуйчатой броне на груди. Его сердце билось как молот бога-кузнеца.

— Ты идиотка, — прошептал он мне в макушку, вдыхая запах моих волос. — Сумасшедшая, ледяная идиотка. Ты заморозила коллектора бутылкой краденого вина.

— Оно было очень холодным, — выдохнула я, чувствуя, как ноги начинают подкашиваться от отката. — И оно стоило дороже, чем жизнь этой серой поганки. Надеюсь, казначей спишет это на представительские расходы.

Где-то вдалеке плакали дети, напуганные шумом. Кто-то из слуг робко зажигал лучину.

Кайрен приподнял мое лицо за подбородок, заставляя посмотреть в его золотые глаза. Там больше не было вертикальных зрачков зверя. Только бесконечная, всепоглощающая нежность хищника, охраняющего своего детеныша.

— Добро пожаловать в королевскую семью, Ваше Величество, — усмехнулся он, касаясь губами моего замерзшего лба. — Кажется, медовый месяц отменяется. Нужно срочно объявлять военное положение против законов физики.

Я слабо улыбнулась и прижалась теснее, позволяя его жару отогревать мои пальцы.

За нашими спинами, среди разграбленного пира, разрушенной роскоши и перепуганной знати, началась новая эра. Эра, где трон держался не на силе оружия, а на безумии двух стихий, решивших, что любовь — лучший договор о ненападении.

Глава 9. Утро после конца света

Рассвет в столице всегда пах гарью, если накануне вечером там случилась революция и разбито три тысячи флаконов духов.

Я проснулась от того, что замерз нос.

Это было странно, учитывая, что половина моего тела буквально горела. Я открыла один глаз. Вторая половина кровати пустовала, но простыни еще хранили отпечаток огромного тела и исходили ощутимым жаром. Сам Кайрен стоял у панорамного окна наших покоев — нагой, черный силуэт на фоне бледнеющего неба. Его крылья были сложены, но даже сейчас они занимали половину комнаты, а вдоль позвоночника лениво текли струйки дыма, исчезая в воздухе.

— Если ты сожжешь гобелен эпохи Возрождения, казначей лично придет меня убивать, — хрипло сказала я, зарываясь лицом в подушку. Голова пульсировала болью: использование магии Истока через шампанское оказалось сродни попытке выпить море через соломинку.

Кайрен не обернулся. Он просто протянул руку назад, не глядя. Пространство изогнулось, преодолевая десять футов до кровати. Его пальцы — теплые, чуть шершавые от чешуи у основания — коснулись моей щеки.

— Спи, катастрофа. Солнце еще не встало. У нас есть законные два часа тирании, прежде чем Совет начнет выть под дверью.

— Они уже воют, — я перехватила его запястье, притягивая руку к себе, чтобы согреть ледяные пальцы. — Я слышу их мысли сквозь стены. Граф де Вьен думает, как спрятать золото. Баронесса Левински молится Двуликому, хотя вчера ела икру руками. А Майя… где Майя?

— Охраняет винный погреб, — фыркнул он, наконец поворачиваясь. При утреннем свете последствия нашей свадьбы выглядели живописно. На его плече красовался синяк в форме моих пальцев — когда Коллектор начал растворяться, я вцепилась в Кайрена так, будто он был единственным твердым предметом во вселенной. — Боится, что мародеры украдут твой свадебный подарок. Кстати о нем…

Он кивнул в сторону туалетного столика. Там, на бархатной подушке, лежал тот самый железный перстень с рунами Арден. Только теперь металл перестал быть тусклым. Руны светились мягким, ровным синим светом, пульсируя в такт моему сердцу.

— Ювелир рыдает, — прокомментировал Кайрен. — Говорит, железо не может резонировать с магией крови. Что это нарушает все законы ювелирного дела. Я посоветовал ему прыгнуть с башни. Это тоже нарушит законы гравитации, зато избавит меня от нытья.

Я села в кровати, натянув шелковую простыню до подбородка. Холод внутри меня ворочался сытым зверем. Битва с Коллекторами выжгла часть паники, оставив лишь звенящую пустоту и уверенность камня.

— Почему они пришли именно туда? — спросила я, глядя на кольцо. — На пир. Не в тронный зал, не в храм. К десерту.

— Потому что десерт подавал новый шеф-повар, — Кайрен подошел обратно к кровати одним плавным шагом. От него пахло озоном и холодным ветром горных вершин. — Тот самый, которого мы вытащили из долговой ямы Южного порта. Шрам Равновесия реагирует на сильных эмоций. Страх гостей, твоя ярость, моя жажда убийства… Мы устроили им такой шведский стол ненависти, что они не смогли устоять. Ты была наживкой, Элара. Самой вкусной приманкой в мире.

— Я чувствую себя использованной, — я позволила ему забрать простыню, которую он тут же отбросил на пол. Тепло его кожи окутало меня, растапливая остатки сна.

— Ты чувствуешь себя живой, — поправил он, опускаясь на край постели. Его глаза больше не пылали расплавленным золотом. Рассвет смягчил их до цвета старого янтаря. — И ты только что доказала то, чего боялся мой отец. Лед не боится пламени. Пламя не тонет во льду. Вместе мы делаем невозможное возможным. Например, уничтожаем бессмертных существ бутылкой алкоголя.

Он провел пальцем по линии моего плеча, вниз, к локтю. Там, где проходила татуировка рода Арден — спираль мороза, вплетенная в вены, — кожа слегка мерцала.

— Верховный Судья Гаспар составил двадцать семь указов за эту ночь, пока пил успокоительные капли, — продолжил Кайрен, наклоняясь ниже. — Все они касаются твоей безопасности. Запрет на выход из дворца без роты гвардии. Запрет на употребление игристых вин вне спальни. Запрет на танцы в радиусе ста ярдов от государственных изменников.

— Какое ущемление прав личности, — я обхватила его за шею, притягивая к себе. — Придется писать контр-указ.

— Какой же? — его губы замерли в дюйме от моих.

— Указ номер один, — прошептала я. — «О конфискации времени». Параграф первый: всякое время, свободное от заговоров, мятежей и заседаний Сената, объявляется собственностью Короны. Параграф второй: любые попытки прервать процесс владения этим временем караются немедленной публичной лаской на рабочем месте.

Его смех прозвучал низко и раскатисто, заставляя дрожать стекла в свинцовом переплете окна.

— Подпишу немедленно. Где мое перо?

Вместо пера он использовал свои руки.

Следующие два часа пролетели быстрее, чем падение Коллектора. Мы писали свой собственный свод законов прямо на простынях — языком тел, прикосновений и тихих стонов. Законы физики снова сдавались: там, где соприкасались наши стихии, рождался густой туман, оседающий на мебели каплями росы. Замерзшее стекло встречалось с раскаленным металлом, и вместо взрыва получалась музыка.

Когда солнце окончательно поднялось над крышами Столицы, окрашивая снег в розовый цвет, мы лежали истощенные и счастливые среди смятых шелков. Кайрен рисовал когтем узоры на моем животе — осторожные, едва касаясь, чтобы не оставить шрамов.

В дверь деликатно, но настойчиво постучали.

Мы переглянулись. Взгляд Кайрена обещал пришедшему медленную и мучительную смерть через бюрократию.

— Войдите, если хотите потерять конечности, — крикнула я, пытаясь найти хоть клочок ткани, чтобы прикрыться.

Дверь приоткрылась. В щели показалось лицо графа де Вьена. Казначея. Старик сжимал в руках кипу бумаг и счеты. Судя по его побелевшим губам, он видел дым из-под двери и сделал самые ужасные выводы.

— Прошу прощения, Ваши Величества, — пропищал он, стараясь смотреть строго в стену над кроватью. — Но делегация Восточных островов прибыла часом ранее. Они требуют аудиенции. Говорят, это вопрос жизни и смерти. И возврата долга за поставку шерсти.

Кайрен застонал и зарылся лицом в мои волосы.

— Скажи им, что Императрица умерла от счастья. Идиоты испортили мне лучшее утро за последние двести лет.

— Я скажу, что Императрица скоро выйдет, — быстро вставила я, садясь и подтягивая колени к груди. Мой голос звучал ровно, несмотря на бешеный стук сердца. — Передай делегации, пусть ждут в Малом зале. И вели подать туда горячего шоколада. Самого крепкого. Мне понадобится много сахара для отравления дипломатического корпуса.

Казначей испарился, бормоча молитвы.

Я встала и подошла к окну. Город просыпался. Дым вчерашних пожаров смешивался с дымом утренних кухонь. Где-то там, внизу, люди жили своей обычной жизнью, не зная, что их правитель этой ночью заморозил бога насмерть.

Теплые ладони легли мне на плечи сзади. Кайрен прижался ко мне со спины, укрывая своим огромным телом от сквозняка. Его дыхание согрело мою шею.
— Твой план? — спросил он тихо.

— Выжить, — ответила я, накрывая его руки своими. — Танцевать. И следить, чтобы ты не превратил казначейство в пепел, когда они скажут, что в бюджете нет денег на новые сапоги для гвардии.

— Разумно, — он поцеловал меня в макушку. — Я люблю тебя, северная буря.

— Знаю, — я улыбнулась, глядя на свое отражение в стекле. Женщина в отражении выглядела уставшей, взъерошенной и абсолютно, безнадежно счастливой. — Иначе ты бы давно сжег весь мир дотла. А кому нужен мир, в котором нельзя купить хорошее шампанское?

За окном раздался звон колоколов. Начинался новый день Империи. День, который определенно будет стоить казне очень дорого.

Эпилог. Десять лет спустя
Железный трон оказался на удивление удобным, если заказать к нему правильную подушку из гагачьего пуха.

Я сидела в главном зале приемов, лениво покачивая носком домашней туфли без каблука, и наблюдала за тем, как министр финансов пытается доказать Кайрену необходимость введения налога на дождь.

Десять лет. Срок достаточный, чтобы забыть запах дешевой пудры «Черной Лилии», но недостаточный, чтобы привыкнуть к тому, что мой муж может случайно опалить брови послу одним лишь тяжелым взглядом.

Кайрен сидел на соседнем троне — массивном сооружении из черного вулканического стекла и золота. За эти годы он научился носить корону так, словно она была частью его черепа. Человеческая личина стала безупречной: золотистые глаза все еще выдавали зверя при сильном волнении, но теперь это считалось не признаком безумия, а «особым стилем правления». Аристократы называли это «Взглядом Престола» и падали в обмороки от восторга.

— Ваше Темнейшее Величество, — канючил министр, вытирая пот со лба кружевным платком. — Если мы не обложим осадки пошлиной, казна не выдержит расходов на ремонт канализации! Дворцовые алхимики утверждают, что ртуть для градусников подорожала…

Кайрен медленно повернул голову. Его крылья, которые он больше не прятал даже на советах (считалось, что это экономит время на переодевание), чуть приподнялись. Министр побледнел до оттенка свежевыпавшего снега.

— Дорогой, — мягко позвала я, перебивая поток финансового отчаяния. — У министра сегодня день рождения. Смотри.

Я щелкнула пальцами. Из воздуха прямо над головой чиновника посыпался мелкий, искрящийся иней, формируя идеальную ледяную диадему. Она висела в дюйме от его макушки, переливаясь в свете люстр.

— Какая… тонкая работа, — прохрипел министр, боясь пошевелиться.

— Это налог на дыхание, — невозмутимо сообщила я. — Каждый вдох во дворце стоит один медяк. Вы дышите уже пять минут, министр. Мой внутренний калькулятор подсказывает, что ваш долг перед Короной растет. Советую оплатить его хорошим настроением и отменить идею с дождем. Дождь нужен моим садам.

Кайрен фыркнул, выпуская струйку дыма, которая тут же заморозила пролетающую мимо муху. Он протянул руку и небрежно снял ледяную корону с головы трясущегося министра, превращая ее обратно в воду. Та испарилась, не долетев до пола.

— Вон, — ласково сказал регент-император. — И скажи повару, пусть пришлет нам в кабинет десерт. Тот торт с вишнями.

Министр испарился быстрее звука. Мы остались одни в огромном зале. Точнее, почти одни.

Из-за колонны высунулась рыжая голова. Майя — ныне графиня де Моро, бессменная начальница моей тайной канцелярии и главная головная боль заговорщиков — показала мне большой палец и снова скрылась в тени. Благодаря ей половина Сената сейчас копала канавы на северных границах, искренне веря, что это почетная государственная служба.

Кайрен тяжело вздохнул, проводя ладонью по лицу. Черты его на мгновение поплыли, обнажая смертельную усталость столетнего существа.

— Я скучаю по пещерам, — признался он, когда гулкое эхо зала осталось позади. — Там было тихо. Никто не просил денег на шторы.

— Зато там не было меня, — я встала с трона. Шелест моего платья — теперь всегда тяжелого, расшитого настоящими бриллиантами, — был единственным звуком. — Иди сюда. Кабинет подождет. А торты имеют свойство остывать.

Он поднялся одним текучим движением. Несмотря на возраст и статус, он двигался как молодой хищник. Подошел ко мне, нависая сверху, заслоняя свет ламп своей широкой спиной.

За десять лет наш танец изменился. Исчезла первобытная ярость первых ночей, пропало желание сломать или поглотить друг друга. Осталась только точность идеально смазанного механизма. Когда он взял мое лицо в ладони, его кожа была теплой, успокаивающей.

— Они опять прислали письмо, — пробормотал он мне в губы, касаясь их легким поцелуем. — Коллекторы Равновесия. Требуют аудиенции. Говорят, северное сияние слишком сильно фонит магией Истока и пугает их астральные приборы.

— Скажи им, что это мои новые духи, — я запустила пальцы в его волосы, чувствуя жесткую проволоку у корней. — Пусть пишут жалобу в Небесную Канцелярию. У нас мирный договор, скрепленный печатью Визиря. Пока я Императрица, они могут целовать меня в… край мантии.

— Ты безнадежна, — усмехнулся он, но глаза его потемнели от нежности. Той самой, которую он когда-то пытался скрыть за маской высокомерия. — Моя ледяная язва.

— Твоя самая дорогая ошибка, — поправила я и притянула его к себе для настоящего, глубокого поцелуя.

Вокруг нас взвихрился воздух. Мои льды столкнулись с его жаром, создавая привычный густой туман, пахнущий озоном после грозы и растопленным снегом. Где-то вдалеке тревожно зазвенели хрустальные подвески на люстрах, но нам было плевать. Стекла дворца дрожали не от страха — они вибрировали от силы дома, который наконец-то стал целым.

Мы оторвались друг от друга, только когда услышали тяжелые шаги в коридоре. Гвардейцы «Медных Когтей» — личная тысяча Кайрена, набранная из самых отчаянных головорезов Империи, которых мы амнистировали, — маршировали менять караул. Командир роты, одноглазый ветеран Бронн, проходя мимо дверей зала, вскинул кулак к груди в салюте. Он видел дым из-под наших дверей сотни раз и давно перестал реагировать.

— Пойдем, — Кайрен взял меня за руку. Его железное кольцо Арден на моем пальце пульсировало мягким синим светом в унисон с моим сердцем. — Вишневый торт сам себя не съест. А потом ты примеряешь то изумрудное платье. То самое, которое делает тебя похожей на очень соблазнительную опасность.

— Оно царапает кожу бисером, — пожаловалась я, позволяя ему увлечь меня в сторону личных покоев, прочь от государственных дел.

— Значит, снимай его, — прошептал он, открывая тяжелую дубовую дверь ногой. — Бюджет Империи позволяет портному сшить новое. Или сжечь старое. Мне нравится второй вариант.

Дверь закрылась, отсекая нас от мира титулов, интриг и замерзающих министров.

Где-то далеко, на границе миров, серые фигуры Коллекторов смотрели в свои хрустальные шары, пытаясь понять природу аномалии, разрушавшей их расчеты. Но ответ был прост.

Равновесие нарушилось не потому, что дракон захватил трон.

Оно рухнуло в тот момент, когда девочка из Кривого переулка решила, что холод внутри нее — это не проклятие, а идеальное оружие против тех, кто считает любовь слабостью.

Империя спала спокойно этой ночью. Потому что на страже стояли Зима и Пламя. И эта зима обещала быть долгой.

***

Поющая для мятежного дракона

Глава 1. Цена тишины

В Пепельных Копях драконы не забирали золото. Они забирали голоса.

Я стояла на коленях в ледяной грязи, прижимая изрезанные ладони к горлу, и пыталась не дышать. Вокруг меня стонали камни. Штрек номер четырнадцать дышал смертью: с потолка сочилась едкая кислотная взвесь, разъедающая легкие быстрее любой чахотки, а воздух был настолько густым от угольной пыли, что его можно было резать ножом.

Но страшнее всего была тишина.

Здесь, на самом дне мира, под брюхом Огненного Хребта, звук стоил дороже хлеба. Если ты пел — тебя замечали. А если тебя замечал патруль Его Темнейшества Кайрена Вейна, твои голосовые связки вырезали обсидиановым скальпелем прямо у столба для порок. Чистое серебро здесь берегли для посуды аристократов; нам доставался только черный камень, тупой и жадный до живой крови.

— Опять молишься своим мертвым богам, Райна? — прошипел над ухом голос старосты барака, Грива. От него несло перегаром и страхом. — Думаешь, они спустятся и выдернут тебя отсюда за шкирку?

Я подняла голову. Мои пальцы были стерты в кровь о кирку, но горло… горло оставалось единственным инструментом, который я сохранила в чистоте. Я работала медленнее всех, фальшивила при перекличках, кашляла кровью в тряпицу по ночам, лишь бы обмануть слухачей-драконов. Голос — это душа. А свою душу я планировала забрать с собой в могилу.

— Просто отдыхаю, господин Грив, — прохрипела я. Мой шепот звучал как наждак. Идеально. Ни одной чистой ноты. — Легкие жжет.

— У всех жгет! — он пнул меня тяжелым сапогом под ребра. — Но только твоя рожа слишком довольная для трупа. Смотритель сказал: еще один день без нормы, и завтра утром твой язык прибьют к воротам Восточного выхода. Для профилактики оптимизма.

Он ушел, шаркая ногами и богохульствуя. Я осталась сидеть в темноте, слушая ритмичный, сводящий с ума *скрежет-звон* тысяч других кирок. Шахта жила одним огромным механическим сердцем, и мое собственное сердце пыталось биться с ним в унисон, чтобы выжить.

А потом ритм сбился.

Скрежет стих. Звон прекратился. Даже ядовитые капли с потолка, казалось, замерли в воздухе.

Наступила та самая звенящая, стеклянная тишина, которая всегда предшествовала беде. Тишина абсолютного внимания.

По позвоночнику пробежал мороз, не имеющий общего с сыростью штрека. Это был древний, первобытный холод, поднимающийся из самых недр горы.

Они пришли.

Сначала мы почувствовали вибрацию. Пол задрожал не от взрыва породы, а от тяжелой, ленивой поступи того, кто считал эти горы своей собственностью. Шаги были редкими, весомыми. Каждый шаг отдавался в моих зубах болью.

Затем потянуло гарью. Но это был не запах костра или кузни. Это был смрад древнего вулкана, спавшего тысячи лет и проснувшегося злым. Запах серы, озона и чего-то сладковато-цветочного, неуместного в этом аду. Дикий шиповник. Говорили, что мятежный принц обожает этот аромат, хотя во всем Северном Пределе не осталось ни одного живого куста.

Тени в дальнем конце штрека сгустились, обретая плотность. Из мрака выступила фигура, заслонившая тусклый свет магических кристаллов.

Кайрен Вейн инспектировал свои шахты лично. Без свиты. Без доспехов. Только черная рубаха с распахнутым воротом, открывающим сеть старых шрамов, и тяжелая цепь с символом изгнанника на шее. Он двигался с грацией сытого хищника, которому смертельно скучно. За его спиной тьма казалась гуще, словно сам мир боялся подойти ближе.

Его глаза поймали луч света. Лиловое пламя. Оно не грело. Оно выжигало саму надежду. Взгляд прошелся по ряду скорчившихся оборванцев, даже не задерживаясь. Люди для него были просто говорящими инструментами. Расходным материалом.

— Норма выполнена на сорок процентов, — проскрежетал Грив, выступая вперед и низко кланяясь. — Устали, ваше высочество. Жилы бедные…

Дракон остановился. Медленно повернул голову. Одно движение шеи заставило старосту замолкнуть на полуслове и посереть лицом. Воздух вокруг принца пошел рябью от невыносимого жара. Температура в штреке поднялась так быстро, что конденсат на стенах высох с тихим шипением.

— Здесь пахнет ложью, — произнес Кайрен.

Голос у него отсутствовал. Звук рождался не в горле — он впивался прямо в височные кости, вибрируя где-то внутри черепа. Глубокий, бархатный, гипнотический тембр, способный заставить дерево цвести зимой. Магия Древней Крови.

— Я слышу пустоту, — продолжил он, делая шаг ко мне. Его лиловый взгляд наконец сфокусировался на моей фигуре. — Вы прячете песню.

Грив затрясся так сильно, что с его шапки посыпалась угольная крошка.

— Никак нет! Сир! Мы режем языки всякий раз! Тут все немые, как рыбы!

Принц проигнорировал его. Он подошел ко мне вплотную. Теперь я видела тонкую сетку чешуек цвета воронова крыла, проступающую на его скулах от раздражения. Ноздри идеального прямого носа дрогнули, втягивая воздух. Он нюхал мой страх.

— Ты, — когтистый палец с черным маникюром ткнулся в мою сторону. — Пой.

Это был не приказ. Это был приговор. Сердце пропустило удар, провалившись куда-то в ледяные ботинки. Все инстинкты кричали: «Замолчи навсегда». Умри тихо. Стань камнем. Но тело предало меня раньше, чем разум успел выстроить защиту.

От ужаса, от запаха дикого шиповника, от этого невозможного давления власти, моя глотка сама собой раскрылась. Горло, привыкшее хрипеть, вдруг выдало чистый, высокий звук.

Это была не песня рабов. Не рабочая считалка. Это была колыбельная моей матери, которую она пела мне в землянке на окраине сгоревшего леса. Мелодия полилась в спертый воздух штрека, чистая, звонкая и пронзительная, как осколок льда. Она рассказывала о звездах, которых никто из нас никогда не видел.

Пыль в луче света замерла. Кирки в руках соседей повисли, забыв опуститься. Даже капля кислоты с потолка остановила свой полет. Звук заполнил пространство, вытесняя тяжесть, разрывая цепи усталости.

Магия чистого звука столкнулась с древней силой дракона.

Кайрен моргнул. Лиловое пламя в его глазах вспыхнуло ослепительно ярко, почти болезненно. Он смотрел на меня так, будто увидел призрака. Или ошибку в расчетах богов. Уголки его губ медленно поползли вверх в жуткой, нечеловеческой усмешке.

— Как интересно, — пророкотал он, и теперь в его ментальном голосе прорезалась сталь. — Рабыня с голосом хрусталя. В месте, где умирают звуки.

Он протянул руку. Черные когти коснулись моего подбородка, заставляя запрокинуть голову. Кожа в месте прикосновения загорелась огнем, не оставляя ожога, но плавя волю.

— Тебе больно петь, девочка? — прошептал он уже обычным звуком, наклонившись так близко, что я ощутила жар его дыхания. — Завтра на закате ты будешь петь для меня. На вершине Маяка Заблудших. И если солжешь хоть одной нотой… я вырву тебе гортань голыми руками.

Он отпустил меня так же резко, как и схватил. Развернулся, взметнув полы черной рубахи, и растворился во мраке, откуда пришел. Будто его и не было. Остался только запах пепла, озона и проклятого шиповника.

Штрек выдохнул. Кто-то заплакал. Грив рухнул на колени, пытаясь поймать ртом воздух.

А я сидела в грязи, чувствуя, как дрожат колени. Моя тайна, мой единственный щит — мой сломанный, грязный, спрятанный голос — только что стала билетом на эшафот.

Мятежный принц собирал коллекцию редких вещей. Золото, земли, души. Кажется, сегодня он решил добавить в нее певчую птицу.

И клетка обещала быть золотой.

Глава 2. Клетка из лунного света

Маяк Заблудших торчал из скал, как черный гнилый зуб великана. Днем он выглядел просто старой каменной башней, изъеденной ветрами и солью, но с наступлением сумерек его вершина вспыхивала холодным синим огнем — магическим маяком, который не указывал кораблям путь к берегу, а заманивал их на рифы Пепельного моря.

Меня везли туда в закрытой карете, обитой черным бархатом. Окна были зашторены так плотно, что я не видела дороги, но чувствовала каждый поворот по тому, как менялось давление за стенами. Когда мы поднялись высоко над уровнем Копей, воздух стал чистым и колючим. Он пах озоном и свободой — тем единственным, чего у меня не было уже пять лет.

Руки мне сковали серебряными браслетами. Не от жестокости — серебро глушило магию Истока. Любой другой раб давно бы осип или забился в припадке от такого ошейника, но моя кровь реагировала иначе. Серебро не жгло, оно пело. Тихо, на грани слышимости, создавая идеальный фон для моего голоса. Кайрен знал это. Ему нужен был инструмент, настроенный до последнего обертона.

— Выходи.

Дверца распахнулась. Его рука — теплая, несмотря на черные обсидиановые когти, поблескивающие в свете фонаря, — появилась в проеме. Я вложила в нее свои ладони, позволяя вытащить себя наружу.

Ветер ударил в лицо, пытаясь сорвать с головы плотный шелковый капюшон, которым меня укрыли гвардейцы. Мы стояли на самой верхней площадке Маяка, открытой всем четырем ветрам мира. Под нами бушевало Северное море, разбиваясь о скалы белой пеной. Небо затянуло тучами, готовыми разродиться ледяным дождем.

Кайрен отпустил мою руку и отошел на шаг назад.

Он снял тяжелую дорожную куртку, оставшись в одной тонкой льняной рубашке, которая, казалось, совершенно не защищала от пронзительного ветра. Но драконам не бывает холодно. От него исходил такой жар, что снег таял вокруг его сапог, превращаясь в грязную кашицу.

— Пой, — приказал он.

Это слово больше не пугало меня. За ночь, прошедшую после инспекции штрека, страх переродился во что-то иное. В холодное, звенящее бешенство. Он думал, что купил игрушку. Инструмент. Но певчие птицы умирают быстрее всего, если держать их слишком крепко.

Я сделала глубокий вдох, игнорируя боль в ребрах после вчерашнего удара Грива. Расправила плечи. Серебряные браслеты загудели низким вибрирующим звуком.

И я запела.

На этот раз это была не колыбельная. Это была Песнь Раскола. Древняя мелодия северных гор, которую мать шептала мне перед смертью, когда огонь драконьих всадников пожирал наш лес. Мелодия, заставляющая камень течь, а металл — трескаться.

Звук вырвался из горла чистый, сильный, лишенный даже намека на хрипоту каторжанки. Он впился в серое небо, разрывая низкие облака. Ветер, мгновение назад рвавший мой

плащ, внезапно стих. Море внизу замерло, образовав идеальную стеклянную гладь. Даже капли начинающегося дождя повисли в воздухе, застыв в падении.

Лиловое пламя в глазах Кайрена сменилось чистым золотом восторга. Он смотрел на меня не как на вещь, а как ювелир смотрит на редчайший алмаз, только что извлеченный из породы. Его губы приоткрылись, дыхание стало тяжелым и частым. Магия звука оплетала нас обоих, связывая невидимыми нитями напряжения.

Когда последняя нота растаяла в воздухе, оставив после себя звонкую пустоту, время снова пошло. Дождь обрушился вниз стеной.

— Громче, — прохрипел принц, делая ко мне быстрый, почти хищный шаг. — Еще громче.

Его руки легли мне на талию. Сквозь тонкую ткань платья я ощутила обжигающий жар его ладоней. Он приподнял меня так легко, словно я весила не больше перышка, и усадил на широкий каменный парапет Маяка. Позади нас разверзлась бездна океана.

— Если ты хочешь убить меня музыкой, птичка, тебе придется постараться, — прошептал он мне прямо в губы, упираясь руками в камень по обе стороны от моих бедер, заключая меня в ловушку. — Пой мне о том, как болит свобода. Дай мне эту боль.

Его близость должна была вызывать ужас. Он был оружием массового поражения, воплощенным хаосом. Но вместо страха мое тело отзывалось странным, предательским трепетом. Возможно, дело было в магии — древние драконы умели дурманить разум своим присутствием. А может быть, просто замерзшая душа тянулась к самому горячему огню в округе, даже если этот огонь собирался тебя поглотить.

— Ты мятежник, Ваше Высочество, — сказала я, глядя прямо в его золотые глаза. Мой голос звучал низко и опасно. — Вы свергли своего отца, чтобы править этим пеплом. Зачем вам песня? Она не удержит корону на голове, когда придут убийцы.

Уголок его рта дернулся в усмешке. Он наклонился еще ближе, сокращая расстояние между нами до опасного минимума. Его запах — дикий шиповник и гроза — забил мои легкие.

— Потому что тишина убивает вернее меча, Райна, — ответил он. — Мой отец построил империю на молчании страха. Люди боятся того, чего не слышат. Моя власть… она будет построена на резонансе. На вибрации души. Твой голос ломает волю лучше любой стали. Заставь Сенат слушать тебя, и они сами подпишут себе приговор.

Он хотел использовать меня как клинок. Идеальный акустический кинжал для политических интриг.

— А что получу я? — спросила я, чувствуя, как его коготь — пока еще скрытый, человеческий — медленно проводит линию от моего подбородка вниз по шее, к ямочке между ключиц. — Жизнь? Или просто отсрочку до следующего утра?

— Ты получишь всё, — его голос упал до бархатного шепота, вибрирующего где-то внутри моей грудной клетки. — Тепло. Еду без песка. Шелк, который не царапает кожу. И музыку. Я построю тебе театр, Райна. Самый большой в мире. Тебе нужно лишь одно…

Его палец замер под моим левым ухом, там, где бешено пульсировала жилка.
— Признать, что твой хозяин — самый лучший слушатель во вселенной.

Это была сделка с дьяволом. Мой голос в обмен на клетку с золотыми прутьями. Смерть в грязи Копей или медленное угасание в золотой тюрьме дворца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.